

A close-up, high-angle portrait of a man's face, focusing on his eyes and nose. The background is a solid, vibrant blue. The lighting is soft, highlighting the texture of his skin and the intensity of his gaze.

КСЮША
ЛЕВИНА

ДЕРЖИСЬ
ОТ НЕГО
ПОДАЛЬШЕ

Trendbooks

Ксюша Левина

Держись от него подальше

«Издательство CLEVER»

2023

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6

Левина К.

Держись от него подальше / К. Левина — «Издательство
CLEVER», 2023 — (Trendbooks)

ISBN 978-5-00211-288-3

Скорее всего, она меня просто использует, чтобы избавиться от своего
недалекого бывшего. Она позлит его и испарится. Между нами все несерьезно.
Мне не нужно ей верить, но очень хочется.

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00211-288-3

© Левина К., 2023
© Издательство CLEVER, 2023

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	15
Глава 3	20
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	34
Глава 7	37
Глава 8	39
Глава 9	46
Глава 10	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Ксюша Левина

Держись от него подальше

*Посвящается Кате, Свете, Ане, Лене, Ксюше и тебе, читатель.
Идея украдена у Дж. К. Роулинг.*

Автор изображений в книге Lera2x2 (Лера Мархелева)

© Ксюша Левина, 2023

© ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2023

Иллюстративные элементы в книге использованы по лицензии © Shutterstock

Пролог

Оказывается, два года жизни могут поместиться в две спортивные сумки. Печально и несправедливо осознавать – я собрала вещи, но никто мне не отдаст ни часть души, ни воспоминаний вместе с ними. И целая куча совместных планов, что висят незакрытыми гештальтами, полетела в мешок, который придется, видимо, таскать за собой ближайшие месяцы.

Гардероб так и остался нетронутым: долго я смотрела на красивые платья и костюмы, купленные Егором, но рука не поднялась снять хоть что-нибудь с плечиков. Это все не мое. Так что забираю только то, с чем пришла.

– Я тебя отвезу. – Хриплый, слишком громкий голос Егора пронзает тишину, наедине с которой я была последние два часа в полной гармонии.

Он совсем бледный. Мне кажется, что я вырвала его сердце и выпустила пару литров крови. Руки трясутся, и я бы точно не посадила такого человека за руль. Его губы кривятся снова и снова – вот-вот наговорит обидных слов. Потом будет просить за них прощения, будет удивляться, откуда они вообще взялись в голове. Мне страшно оттого, насколько хорошо я его знаю. Знаю его запах, жесты, любимый сорт кофе. Знаю, сколько времени ему нужно утром, чтобы собраться и выйти из дома. Знаю, как бы он назвал нашего несуществующего кота. Знаю, какую машину купил бы и за какую футбольную команду болел бы, если бы смог выделить время следить за матчами. Я знаю, сколько денег на его карточке, кто ему пишет по ночам, и это совершенно точно не девушки. Меня пугает, насколько этот человек мне знаком, и выйти из его жизни – все равно что покинуть собственное тело.

Я встаю с ковра, и Егор тут же падает к моим ногам – на колени, вцепляется в бедра, прижимается к ним лбом.

– Не уходи.

– Я вызову такси. – Пытаюсь игнорировать, пытаюсь не начать перебирать его волосы, торчащие во все стороны. Последние пару часов он все время их ерошил, сидя в машине, и не решался выйти. Это я тоже знаю наверняка, мне не нужно подтверждения.

Пытаюсь не слышать тяжелого дыхания и отрешиться от мысли о сильных пальцах, сминающих мои джинсы. Вглядываюсь в покрытый сетью трещин экран своего телефона, ищу иконку приложения такси.

– Ась...

– Не мешай.

Как же тяжело злиться! Но голос звучит резко и уверенно – на мой совершенно не похож. Это какая-то другая девчонка, которая может и прикрикнуть, и набраться смелости уйти, и не станет Егора жалеть. И все равно так хочется сесть на диван, улыбнуться – дать заднюю. Пообещать, что все будет хорошо: и кота заведем, и поедем отдыхать на недельку подальше от всех. И конечно, нет ничего страшного в ссорах. Все ссорятся, что такого? Главное же не это, верно?

Но справедливости ради, я чувствую себя обманщицей, когда прокручиваю в голове этот сценарий, и все это явно не относится к хорошим знакам.

– У папы юбилей, – хрипло бормочет Егор.

– Я помню.

– Соня звала...

– Она меня терпеть не может, не звала.

– Мы с парнями...

– Неинтересно.

– Как ты будешь одна?

– Замечательно.

– Сама-то веришь?

– Нет. – Я даже не замечаю, что все это время жмурюсь, и только на последнем слове открываю глаза, чтобы столкнуться с его прямым пронзительным взглядом.

Колени подгибаются сами собой. Егор тут же перехватывает за талию, прижимает к себе и зарывается лицом в мои волосы. Добирается до шеи, горячие губы начинают исступленно целовать – с жадностью, как будто понимая, что это в последний раз. Но я совершенно точно знаю, что он думает иначе.

– Мне пора.

– Ты бы давно ушла, если бы было пора, – бормочет он между поцелуями, даже не догадываясь, что делает только хуже.

И мне, и ему будет тяжело и больно, но я все равно уйду, даже если так и не вызову такси.

– Пусти.

Он прижимает меня к себе сильнее.

– Пусти, Егор!

Он мотает головой, как ребенок, у которого забирают игрушку и велют идти спать.

– Егор, я устала! Пусти! Я хочу домой.

– Твой дом тут.

– Нет.

Я отстраняюсь от него настолько, что мы можем посмотреть друг другу в глаза. Егор тут же затихает, перестает бороться, опускает руки.

– Ты вернешься?

– Нет. – Голос даже не дрожит, но это сомнительная победа.

– Вернешься.

Я снова пытаюсь вызвать такси, но не с первого раза попадаю по иконке.

– Я куплю новый, я же разбил.

Пытаюсь сказать, что сама разберусь, но это прозвучит жалко. Уж лучше разобраться, а потом говорить.

Телефон сообщает, что машина найдена, Егор бледнеет еще сильнее. Так далеко я до сих пор не заходила. Вещи собирала, да, было несколько раз. Выносила их за порог. Оставляла в коридоре и уходила ночевать к подругам. Но не вызывала такси вот так, с сумками в руках.

– Вернешься, – бормочет он снова и снова, пока я поднимаюсь на ноги, подхватываю вещи и иду к двери.

Мне кажется, что я вонзаю нож в сердце Егора, когда дрожащими пальцами снимаю с брелока ключи от нашей квартиры. Они застревают, и все никак не получается от них избавиться. Такого я тоже не делала. Даже когда во время крупных ссор уезжала из дома. Даже когда в шутку кричала, что уйду к маме. Комплект ключей всегда был со мной.

Егор смотрит на меня, как провинившийся несчастный пес, который не знает, куда податься без хозяйки. Всякий раз от взгляда на него замирает сердце. На моем брелоке остается крошечный кошачий адресник с выбитым на нем «Персик», но уже нет ни сил, ни времени его убирать. Выхожу и прижимаюсь спиной к двери.

Ничего.

Тут главное время, верно?

Верно.

* * *

Мы с Колчиным созданы друг для друга, как Бон-ни и Клайд, Ромео и Джульетта, Серкан Болат и Эда Как-ее-там. Те самые герои, которые настолько сильно не могут быть вместе вопреки всему и на веки вечные, что в итоге или умирают в один день молодыми, или сотню

раз расстаются, а затем умирают. Хороший был бы финал. Очень драматичный и очень болезненный. Такой, от которого в восемнадцать лет я бы сходила с ума, рассказывая подружкам, что это лучшая история на свете, потому что хеппи-энды – для слабаков. И именно по этой причине я сейчас еду в такси и задыхаюсь от желания вернуться и все исправить. Впиваюсь ногтями в ладони, пытаюсь себя отрезвить. И снова. И снова. И снова.

Мы с Колчиным так прекрасно друг другу не подходим, что очень быстро когда-то решили – это «по-настоящему». Наша любовь – это вообще единственное настоящее, что было и есть в этом мире. Как же осточертела мне эта любовь! И поскорее бы остановилось проклятое такси, которое еле тащится по ночному городу.

– Во двор заезжать или тут где-то подъезд? По карте не вижу.

Все ты видишь, просто не хочешь тащиться в самую грязь.

– Давайте тут.

Я уже сама до чертиков хочу на свободу.

Моя свобода – это девятиэтажная панелька, шестой этаж, окна на детскую площадку и новостройку, которая выросла рядом за те два года, что я прожила с Егором. На душе тут же начинает разливаться грязной лужей тоска. Еще один повод сорваться и вернуться домой, потому что тут – не дом. Тут плохо, грязно, в квартире будет холодно. Даже чайника, кажется, нет. Тут стоит законсервированная в пыльных комнатах, как в банке, моя жизнь двухлетней давности. Старая одежда, старая обувь, старая швейная машинка. Тут в гараже мой мотоцикл, к которому я не прикасалась с прошлого лета.

Я начинаю задыхаться в попытке сдержать слезы. Меня даже некому пожалеть, так зачем начинать плакать? А потом все равно складываюсь пополам и сажусь на корточки, обняв колени. Кажется, что, если войду в квартиру, все закончится, а пока есть пять секунд в полупозиции и можно сделать вид, что есть время для сомнений.

– Вы в порядке?

Поднимаю голову, чтобы найти вежливого прохожего, но вместо этого на меня смотрят два черных веселых глаза здорового ретривера.

Я, кажется, схожу с ума. Со мной разговаривает ретривер – комичное завершение отвратительного дня.

– Ты кто такой? – осипшим голосом шепчу собаке.

– Вячеслав, – произносит низкий мужской голос, а собака синхронно приоткрывает пасть и подается вперед, чтобы уткнуться в мою грудь носом.

– Что? – Я отшатываюсь, падаю на землю, но тут же чьи-то руки меня ловят, а ретривер начинает облизывать лицо.

– Слава, прекратите! – строго велит ему хозяин.

У меня все встает на места: со мной не пес говорил разумеется, я не сошла с ума. Но, видимо, настолько голова забита, что и не подумала посмотреть по сторонам. Собака говорит? Окей, это не худшее, что могло случиться.

– Простите. Да, все в порядке. Я живу в этом доме, ключи ищу просто, – бормочу под нос, проверяя карманы, пока мужчина молча стоит рядом.

Он не бросается помочь, не спрашивает, не нужно ли проводить, а я на него не смотрю. Не хочу светить заплаканным опухшим лицом.

– Окей, – говорит незнакомец и уходит.

Ему неинтересно, почему я плачу, сидя на корточках рядом с сумками посреди парковки убогой девятиэтажки. Смотрю в спину уходящему Вячеславу и его безымянному хозяину. Даже слезы бежать по щекам перестают, хотя ничего странного в человеке, выгуливающем пса, нет.

Парочка сворачивает к новостройке и скрывается в приличном остекленном современном подъезде. В то время как я иду к тяжелой, обшитой деревянными панелями двери, в которую пару лет назад врезали домофон, а до этого по старинке было нужно помнить код.

Когда-то три года назад я так же шла в эту квартиру с парой сумок. Это был мой день рождения, мне выдали ключи от бабушкиной квартиры в ответ на нытье, что я уже взрослая. Я поехала начинать самостоятельную жизнь. До начала первого курса было всего два месяца – столько дел и планов впереди. За то лето я нашла себе первую и последнюю работу – контролером в кинотеатре. Полюбила всей душой кино и посмотрела, кажется, две сотни фильмов, пользуясь тем, что можно торчать на балконе с ноутбуком до самого утра, потому что на работу идти только к обеду. Впервые в жизни сделала себе каре, а потом купила первый дешевый розовый тоник для волос. Пошла учиться в автошколу. С первой зарплаты купила швейную машинку, чтобы в самые нищие месяцы можно было шить фатиновые юбки.

Все эти воспоминания оживают почему-то в лифте, как будто он единственное неизменное в этом мире, начиная с рекламы стоматологии под битым стеклом и заканчивая жжеными кнопками.

Ключ кажется неправильным: слишком маленьким и неудобно лежащим в руке, в отличие от того, которым я открывала квартиру Егора два последних года. Но знакомо поворачивается в замке, щелкает дважды, в нос бьет пыльный запах. Бросаю сумки посреди коридора, падаю рядом с ними на пол таким же бесформенным мешком и обнимаю себя руками.

Все не так плохо, как могло бы быть. Мне есть куда уйти. Осталось решить всего парочку проблем, и все наладится. А через секунду звонит телефон, и мое мучение по имени Егор врывается в тишину квартиры пронзительной трелью.

Глава 1

Два месяца спустя. Сентябрь

У нас с соседом есть ритуал. Он – мое утреннее шоу, я – его тайный сталкер.

– Привет, сосед, – здороваюсь с ним, открывая балкон.

Сосед из новостройки, с которым мы живем окна в окна по причуде строителей, открывает свои модные рулонные шторы, потягивается и начинает зарядку.

Поднимите ручки выше, раз-два-три.

Я включаю музыку и присоединяюсь к соседу. На пробежку он меня может не ждать, тут уж дудки, а гимнастика – это приемлемо. Кроме субботы и воскресенья. Хотя интереса ради я ставила будильник на семь утра в выходные, и он делает ровно то же самое, что и в будни. Мне смешно оттого, какой у меня правильный сосед.

А теперь отжимания.

В квартире напротив в отличие от моей панорамное остекление, и я прекрасно вижу, как ретривер Вячеслав перепрыгивает через хозяина, пока тот отжимается от пола.

– Давай, красавчик, поднажми, вчера было сорок пять. Ну-у, что, не выспался? Всего сорок два. – Последнее бормочу, обращаясь к гипсовой копилке в форме кота, на шее которой висит ошейник нашего с Егором несуществующего питомца и адресник с именем «Персик». – Запиши в дневник тренировок: «Сосед сачкует», – велю коту и перехожу на кухню.

Время завтрака.

Теперь соседа видно гораздо хуже: на кухне у него окно обычное. Если он отодвинет тюль, чтобы нарвать с подоконника какую-то зелень, которая у него там пышно колосится в отличие от мои засыхающих цветов, то мы позавтракаем вместе.

– Приятного аппетита, сосед, – салютую ему чашкой растворимого кофе, гадая, что же этот травоядный пьет. Наверное, воду с лимончиком.

Наблюдения за этим типом стали моей отдушиной. Он единственное живое и постоянное, что меня окружает.

Все лето я проработала в магазине тканей, что любая моя подруга из компашки Егора сочла бы абсолютным падением. Там я потребляла минимальную дозу общения с кем-то живым. Люди по ту сторону прилавка менялись, были непредсказуемыми и не всегда приятными. Никогда не знаешь, кто войдет в двери: милая девушка или скандальная тетка. А что-то стабильное – это сосед. Как выяснилось, вот что мне нужно в режиме одиночества. Видеть рядом хоть кого-то живого. Быть может, стоило завести кота вместо гипсовой копилки.

Первые дни я не понимала, куда мне идти, если вдруг загорится квартира, что делать, когда приснится кошмар или одолеет бессонница. Я по жизни боюсь темноты и подозрительных теней, скользящих по стенам от фар проезжающих мимо дома машин. Все обострилось в одиночестве. Мне нужно, чтобы что-то шевелилось в радиусе видимости и в случае чего я знала, что оно настоящее. И когда за полночь я выхожу на балкон, чаще всего вижу, как за столиком, приставленным к панорамному окну, сидит сосед и печатает что-то на ноутбуке. Я ни разу не рассмотрела его лица и детали внешности просто додумываю. Они мне, в сущности, неинтересны. Он мог бы быть старым дедом, сорокалетней женщиной или прыщавым подростком. Это все не так уж важно, я просто надеюсь, что, если из-под кровати вылезет монстр, смогу выбежать на балкон и крикнуть: «Эй, сосед! Помоги!» Ну не он, так его ретривер прибежит.

Смотрю на часы, и тут же настроение падает. Пора. Беру в импровизированном гардеробе, сделанном из картонных коробок, красную рубашку и накидываю на плечи, потом возвращаюсь к окну. Сосед тоже куда-то собирается, видимо пробежка была сегодня не по графику – пока я была в душе.

– Ну что, Персик... Как ты там меня учил? – Облокачиваюсь на подоконник, смотрю коту в навечно застывшие глаза. – Мне плевать на сплетни. Мне плевать на то, где я живу, кем работаю и во что одета. Я свободная и могу делать что хочу. Меня никто не сможет задеть. – Персик не отвечает, как обычно, я же отсчитываю пару секунд, будто жду, когда его гипсовая пасть раскроется и он заговорит. – Я вернусь в строй, снова найду друзей и снова стану центром своего гребаного мира. Дай пять!

Оглядываюсь по сторонам, не забыла ли чего, и, как всегда, прихожу в уныние. Моя квартира, доставшаяся от бабули, сейчас не в лучшем состоянии. Старый полопавшийся линолеум прикрывают потертые ковры. От разваливающихся шкафов и сломанного дивана пришлось избавиться. Кровать в спальне скрипит, а на кухне такие древние шкафчики, что я всерьез опасаясь, как бы однажды они мне не рухнули на голову. Тут очень-очень плохо, и, когда я всерьез ушла от Колчина и перевезла в эту квартирку вещи, весь первый вечер прорыдала как дура оттого, насколько же это жалкое жилище. Сейчас стало немного лучше, но не настолько, чтобы я не мечтала о ремонте или не вспоминала нашу с Егором крошечную, но идеальную, как с картинки, студию. Всякий раз иду домой и заставляю себя не думать об этом, потому что мысли никогда не останавливаются только на стильной плитке под бетон или виде из окна – они непременно идут дальше. К самому Колчину.

Я не видела Егора два месяца. Он за это время съездил со своими друзьями в отпуск к морю, о чем писал мне в безответных сообщениях. Завел какую-то интрижку, если верить соцсетям, где меня чуть ли не отмечали, чтобы я все точно увидела. Начал новую жизнь – про это был отдельный пост. И превратил меня во врага народа. Каждый его друг написал мне какую-то гадость, будто мы не четверокурсники, а четвероклассники. Все бывшие подружки из большой тусовки Егора, что общались со мной как с его девушкой в течение двух лет, стали активно обсуждать меня за спиной. Я точно знала, что многочисленные друзья и знакомые бывшего распространяют самые мерзкие слухи, но, наверное, после двух лет отношений это что-то естественное. Почему-то все были уверены, что я изменила Егору, что он выставил меня за дверь и, кажется, что я бросила институт.

Я же в это время просто искала машину времени, чтобы вернуться в беззаботное семнадцатилетнее лето под плейлист трехлетней давности, и обманывала мозг, как могла.

Смешно было снова торчать на балконе с ноутбуком и сериалами, шить фатиновые юбки и смотреть запоями фильмы. Красить губы черной помадой, не делать бежевый маникюр. Последние два месяца я занималась тем, что притворялась кем угодно, только не собой. Делала что угодно, лишь бы не вспоминать о старом. Я не досматривала сериал, который мы смотрели с Егором. Всякий раз, когда заходила в онлайн-кинотеатр и видела знакомый постер с кнопкой «Продолжить просмотр», на глаза наворачивались слезы. Приходилось быстро включать что-то другое.

Я перестала слушать его любимую музыку. По скидке сотрудника я набрала шифона и фурнитуры, чтобы занять чем-то голову и руки по вечерам. Все, что происходило со мной в эти два месяца, было таким масштабным криком о помощи, что от самой себя становилось тошно.

Неужели всем так плохо после расставания? Да ладно. Не верю.

– Пока, Персик, – шепчу гипсовому коту-копилке. – Ведите себя хорошо, не разрешай Вячеславу грызть провода.

Понятия не имею, грызет ли Вячеслав провода, но мне смешно думать, что мой гипсовый кот и пес соседа – друзья.

Из моей квартирки до универа пятнадцать минут пешком. Раньше я жила в современном крутом районе, и мы с Егором ехали на машине почти час каждый день. Мне это нравилось: мы слушали музыку, болтали, боролись за айпод. Подпевали песне «Gloria»¹ на два голоса, а

¹ «Gloria» – песня шведской рок-группы Mando Diao (здесь и далее примечания редактора).

теперь я ее просто не могу слушать. Мы пили кофе из автокафе и жаловались, что он мерзкий, но все равно делали так снова и снова.

Что ж, а теперь обманем мозг.

Мне снова семнадцать. Музыка в наушниках, запах осени. В таких старых районах города еще остались легионы тополей, теряющих пух. Сейчас они стоят уже желтые, под ногами хрустят облетевшие листья, нагоняя тоску и тревогу.

На середине пути торможу у спортклуба, сюда Егор ходил после учебы, а может, ходит до сих пор. Через дорогу кафе, где я ждала его вместе с подружками его друзей. Сердце сжимается и нервно бьется будто в животе. Мне ходить этой дорогой каждый день, но это же не страшно? Кому какое дело до наших с Егором отношений? В мою жизнь вернется все, что было раньше, просто не сразу. Сейчас никого рядом нет, но непременно будет: я же душа компании и все такое. И вот тут должна быть ироничная усмешка. Ха-ха-ха!

Мама говорила: «Будь проще, люби себя, и люди к тебе потянутся». Всего-то нужно вернуть себе прежнюю жизнь.

Этим утром я достала самые рваные джинсы. Заплела восемь косичек-дракончиков, накрасила губы в бордовый и подвела глаза, нарисовав черные стрелки. Нашла дедову рубашку в красную клетку – самую крутую вещь на свете – и бабушкины винтажные полусапожки без каблука из коричневой кожи.

Оставив одежду в квартире Егора вместе с прежней жизнью, я не учла, что дома ничего приличного нет. В шкафу оказалась целая полка с бабушкиными платьями, переделка которых заняла меня на целое лето. На плечиках висели дедовы рубашки и куртки, некоторые мне очень даже подошли. Нашлась и моя и бабушкина старая обувь, причем ее сохранилась куда лучше. И на фоне всех этих находок – три полки с моими старыми вещами. Кажется, переезжая к Егору, я хорошенько все перетрясла и выбросила большую часть.

– Ася! – звучит очень знакомый голос Олечки, одной из подруг Егора. – Господи, как ты изменилась. Какая ты... интересная. Как твои дела? Что нового? Все лето не виделась, куда пропала? Почему не летала с нами в Тай?! Та-а-ак круто было, тебе Егор рассказывал?

Самое гадкое, что я вижу, как Оля отводит меня в тени и за угол, где нас не видно со стороны улицы. Она что, стыдится со мной общаться? Все так плохо?

– Оль, мы расстались еще в июне. – Закидываю сумку повыше на плечо и стараюсь идти, чтобы не торчать у спортклуба. Еще минут пять, и тут соберется вся компания моих бывших друзей. Оля же не двигается с места.

– Блин, ну ты че, вы же не серьезно. Ну поссорились – помирились. Сколько раз ты ко мне приезжала ночевать? И ничего, утром возвраща...

– Оль, я побегу, ладно?

– Да погоди. Пара минут погоды не сделает.

Оля очень похожа на меня прежнюю. Бежевый костюм, белые ботинки на платформе, крутая коричневая сумка и высокий зализанный блондинистый хвост. Это могла быть я прошлой осенью первого сентября. Вполне похожа. Только я бы не торчала одна на тротуаре, вокруг меня непременно бы галдела стайка «курочек», так называли себя девчонки из компании. У них (нас) был общий чат и куча «своих» шуточек. Кажется, теперь Оля стоит во главе «курятника».

– Так, может, просто пойдешь со мной? – Я улыбаюсь ей, зная, что не пойдет. – Прогуляемся вместе до универа?

Я выгляжу не так, чтобы Олечка со мной гуляла. Не в этих джинсах, не в этой огромной рубашке и не в этих сапогах. А может, дело не только в одежде.

– Ой, ну я жду же...

– Догонят. – Улыбаюсь ей, а она мне нет.

– Может, пересечемся в кафе, как раньше? – Но тон тут же меняется, Олечка как будто вспоминает про что-то. – Или лучше приезжай ко мне вечерком.

Видимо, по темноте и в самое безлюдное время?

Я делаю вид, что мне жарко, и расстегиваю пару кнопок рубашки, так что становится виден принт «Убить Билла» на футболке. Растрескавшийся и выдавший виды. На плече даже есть крошечная дырочка, однако с ней футболка выглядит куда круче. Оля еще больше напрягается. Такой она не видела меня даже в домашней обстановке.

– А вы чего расстались-то? Это ты так бунтуешь? – Оля окидывает меня взглядом в сотысячный раз.

– Нет, Оля, я так всегда раньше одевалась.

В общем-то, это правда. Не сказала бы, что дедова рубашка сильно отличается от той, что у меня когда-то была, но, видимо, не прошла цензуру при переезде. И коричневые ботинки из натуральной кожи, художественно потертые со всех сторон, выглядят не хуже паленых «Мартинсов», которые этим утром я признала непригодными для носки и отправила в мусор.

– Да? Не помню. – Конечно, до того как мы сошлись с Егором, Оля была совсем в другой лиге и меня даже не замечала.

Мы были знакомы много лет. Я класса с седьмого близко дружила с ее младшей сестрой и проводила в их доме много времени, но неприступная красотка Оля не знала даже, как меня зовут. Когда Егор представил меня своей Компашке – непременно с большой буквы, это важно, – на лицах его подруг загорелся интерес. Они запомнили и мое имя, и мою фамилию, и то, что я пью латте без сахара.

– Так и че, и че? Я слышала, он телефон тебе разбил, потому что ты с мужиками переписывалась?

– Нет, Оля, я переписывалась со старым знакомым из команды по квизу, он звал меня на игру.

– А, эти викторины ваши. И че, ты с ним мутишь?

– Нет. Это мой знакомый. Мы вместе играли в квиз.

– Ну я поняла. А че ты с ним переписывалась?

– Он звал меня на игру.

– А-а. – Она выглядывает из-за угла, ждет своих и как будто нервничает. – Ну Егор просто перепутал, может. Бывает.

– Ага, я пойду.

– Да погоди! Слушай, ну накосячила, с кем не бывает. Хочешь, я вас опять сведу?

– Нет.

Это даже не смешно. Конечно, я накосячила. Конечно, я с кем-то переписывалась. Хочу уйти, и поскорее.

– Мы расстались. Навсегда.

– Ну, блин, а как нам дружить? – Она заламывает руки и притопывает носком ботинка.

– Видимо... никак. – Я разворачиваюсь и все-таки ухожу.

Я не могу сказать, что не любила «курочек». Они были веселыми, не напрягающими и всегда готовыми подставить плечо. Я могла позвонить любой в три часа ночи и попросить о помощи. Как только не стало нас с Егором, не стало и их, даже винить в этом некого.

Главное теперь – унести ноги до того, как придут остальные. В идеале к кому-нибудь прицепиться, но – господи, это правда – я себя чувствую первокурсницей. Я как будто никого не знаю, и никто не знает меня. Добегаю до главного корпуса буквально за пару минут и только за воротами с облегчением выдыхаю.

– Ну привет, – звучит над ухом приговор этому дню.

Я разворачиваюсь и утыкаюсь носом в грудь Егора. Спустя два месяца я имела право надеяться, что нигде не екнет, но все-таки екает. Скорее привычка, чем любовь. Или боль в старых ранах? Может, обида, но даже разбираться не хочу.

– Привет.

Он еле заметно улыбается. Кожа чуть загорела, но все равно кажется слишком белой на фоне черных волос. Глаза темные, добрые и, как всегда, переполнены пронзительной, обезоруживающей нежностью. Егор Колчин однозначно неприлично привлекателен и совершенно точно уже не мой.

– Поговорим? – тихо спрашивает он.

Уже не такой растерянный, совсем не испуганный. Два месяца привели его в чувство, но, кажется, он ничего не забыл.

Давай. Наберись сил, не провоцируй и просто уйди. Это нетрудно. Не смотри в его глаза, не ищи страданий. Вам хорошо друг без друга. Так же хорошо, как было вместе. Он классный, но ты не хуже. Ты его любила, но все прошло.

Давай, сделай это.

– М-м, не в этот раз.

А теперь развернуться и уйти.

Глава 2

«А я говорила» полным составом, не считая своего бывшего капитана – меня, сидит на подоконнике и шумно обсуждает прошедшее в воскресенье открытие осеннего сезона. Примерно два с половиной года назад я бы сидела по центру – там, где сейчас Женька, хотя нет. Я была бы как раз на том месте, где почему-то свалены сумки, будто его берегут для меня. *Размечталась.*

Я бы сидела там с картонным стаканчиком в руках, кривилась бы от тошнотворно-сладкого кофе из автомата и вспоминала нашу потрясающую победу или грандиозный проигрыш на квизе. Рядом бы сидела Аня. Мы всегда были где-то поблизости еще со школы. Поступили в один институт, на один поток. Учились в разных группах, но пересекались на общих лекциях. А самое главное – у нас была «А я говорила». Наша маленькая гордость. Команда, которая ни черта не знала в «классике», но всегда проходила в финал «кино и музыки».

Аня сидит на самом краю подоконника и что-то читает. Она была девочкой с книгами, я – девочкой с сериалами. Я смотрела «Сумерки», она их читала. У нее дома была целая библиотека, а у меня – четыре забитых под завязку жестких диска с фильмами. Она знала, кто написал «Записки юного врача», а я знала, кто снял «Залечь на дно в Брюгге».

Аня почти не изменилась. Хорошенькая, кругленькая, с идеальной кожей, почти без макияжа на лице. У нее черные волосы, ровная челка и привычное каре. Круглые очки на кончике носа. Она одета в одно из ее милых приталенных платьев с белым воротничком и бордовые ботинки на низком каблуке. Кажется, я сейчас подойду, она поднимет на меня взгляд и улыбнется. Скажет, что прочитала какую-то крутую книгу, а я расскажу, что в кинотеатре новинка и мы обязаны сходить туда. Только вот уже полтора года, как она со мной даже не здоровается. Место капитана команды занял Женька.

Я не приходила на квиз все это время и скучала просто ужасно, но все никак не могла посмотреть страху в глаза и подойти к старым друзьям. Достаяю телефон, открываю чат «А я говорила» и пишу: «Привет». Самое смелое, что я сделала за последние месяцы! Все четверо участников чата, сидящие на подоконнике, дергаются и достают телефоны. Женька видит, что я стою тут же, рядом, и пихает в бок Лену, которая медленно отрывает взгляд от экрана и переводит на меня. Следом Яна и последней Аня.

– Только не говори, что это возвращение блудной дочери, – тянет Женька, как обычно пытаюсь разрядить обстановку. – Учти, я капитан!

– Не претендую, – киваю я.

Это длится недолго, но мне кажется, сейчас все станет как раньше. Мы посмеемся, примем тот факт, что все взрослые люди, и договоримся об игре в среду.

– Круто выглядишь, – говорит Яна, робко поглядывая на остальных.

Есть места на среду? Есть место для меня на среду? Идете на «Кино и музыку» в среду?

Вопросы крутятся на языке, но так и не звучат: пока все мне улыбаются, радуясь встрече, Аня сидит и читает, как будто меня и нет. Пытаюсь поймать ее взгляд, но тщетно – совершенное равнодушие. Только нервно подрагивающие пальцы выдают волнение.

Есть места на среду? Есть место для меня на среду? Идете на «Кино и музыку» в среду?

– Ну я пойду, рада была вас увидеть.

Их лица скисают, а я только неловко машу рукой. Длинный рукав рубашки сползает по кисти вниз и болтается, как у Пьеро.

Не решилась. Потому что без Ани мне все это не нужно. Я два месяца готовилась, собиралась с силами, придумывала речь, но, когда столкнулась с ее безразличием, тут же из головы вылетели все умные слова.

В ссоре виноваты двое. Прости, что не подошла раньше. Я ждала от тебя первого шага, но должна была сделать его сама. Давай все забудем.

Этот страх сегодня не побежден, но у нас вся жизнь впереди. Быстро иду к аудитории, пока не решила заплакать. Я хочу снова ходить на игры, снова торчать с Аней на балконе, обсуждать с Женей новую музыку, а с Яной – мои неуклюжие попытки шить. Но мне кажется, что спустя два года я как будто не имею на это права.

До конца дня ловлю на себе взгляды Женьки. Он, кажется, даже хочет ко мне подойти в перерыве, но не решается, а я не подаю никаких знаков, что готова к разговору. Вообще-то точно не готова, особенно с ним. Он хороший и милый, между нами ничего никогда не было, но Егор всегда сходил с ума из-за нашего общения. Рыжая кудрявая макушка Женьки мелькает весь день где-то поблизости, и всякий раз я чувствую на себе взгляд Егора. Он будто ждет, чтобы уличить меня в несуществующем предательстве. А я чувствую себя той самой предательницей, ничего плохого не сделав.

Все катастрофически плохо. Меня по какой-то причине никто просто не замечает. Из двадцати двух студентов группы одиннадцать – это Компашка Колчина. Они в мою сторону не смотрят, только посмеиваются между собой, когда прохожу мимо. Кроме трех «курочек», там нет девушек, одни парни. Часть прицепилась к Егору еще со школы, часть он нашел уже тут.

Остальная группа – как черно-белое кино по сравнению с цветным блокбастером. Самые тихие и скромные студенты – все себе на уме. Ботаники, умники, одна староста, один проф-группорг. Почти все на бюджете и учатся не ради корочек, а ради знаний. Сначала я была душой их компании, создала «А я говорила» и могла с каждым найти общий язык, кроме разве что ботаника Кострова. Потом стала душой Компашки Колчина. Теперь же нахожусь ниже самого низкого плинтуса, и даже староста, собирающая подписи по технике безопасности, прошла мимо – сделала вид, что не заметила. Это так странно – выйти из круга общения Егора, как из луча прожектора, и тут же слиться с кремешной темнотой. Не думала, что так будет.

Выхожу из главного корпуса и иду в сторону дома, нацепив солнцезащитные очки, как будто они меня сделают еще более незаметной. Вставляю наушники в уши. Бегу, мечтая о том, как разогрею обед, включу сериал и лягу на часок под одеяло. Потом сделаю сериал погромче и засяду за машинку – вот уже неделю пытаюсь сшить себе свитшот по всем правилам, а не абы как.

Добираюсь до места встречи дружков Колчина, надеясь, что никого не увижу, но издалека на парковке клуба заметны их машины. И бежевым пятном «курочки»: Оля, Рита, Маша. Они одеты в красивые, почти одинаковые костюмы в пастельных тонах.

Торможу у зебры, чтобы перейти на другую сторону дороги. Девочки меня замечают, тут же из машины выходит Егор, а следом его друзья. И кажется, на этот раз они меня не игнорируют.

Оля первой меня окликает. Не слышу.

– Эй, Ась, иди к нам.

Не слышу.

– А-а-ась! – Это Машка.

Не слышу.

– Ася-я! – Рита.

Не слышу.

– В наушниках она. Щас! – Это Оля, и она бежит ко мне.

Красный светофор отсчитывает секунду за секундой. *Три, два, один.*

– Бу! – Оля хлопает мне по плечам, с силой разворачивает лицом к клубу и тащит к парковке. – Мы кричим, кричим, а ты не слышишь!

Она прекрасно слышит, что в моих наушниках ничего не играет. Я задумалась и забыла про музыку, шла с ними в ушах и думала о своем. Оля делает вид, что я ее не игнорировала, – это правильная реакция. Своего рода дань вежливости поверженной королеве улья.

Странно, еще утром она боялась, что нас увидят вместе, а сейчас готова прилюдно обниматься. Не смущают ее ни рубашка, ни ботинки, ни футболка с дырочкой на плече.

– Я же говорила, я все устрою, – шепчет она мне на ухо. – Егор только за-а-а!

– За что? – Скидываю ее руки и делаю шаг назад.

– Сойтись с тобой. Я с ним поговорила.

– Зачем? – На глаза наворачиваются злые слезы.

– Ну мы же говорили утром.

– И я сказала, что мы расстались и я ничего не хочу.

– Ой, ты всегда так говори...

– А ты всегда тупишь. – Я не успеваю обогнуть ее и уйти, когда меня перехватывает за локоть стоящий за спиной Егор.

– Поговорим наедине? – Его выдох касается моей шеи, он, видимо, наклонился, чтобы вторгнуться в личное пространство.

Секунда – и все испаряются, как по щелчку его величества. А мы так и стоим одни посреди тротуара. Егор подходит ко мне так, чтобы можно было пронзить меня взглядом и гипнотизировать – заниматься запрещенной вампирской магией.

– Егор, Оля придумала какую-то чепуху. Я спешу домой.

– Странно выглядишь. – Он окидывает меня взглядом с ног до головы.

– Ага...

– Ты очень красивая.

– Да что ты...

– Я провожу?

– Не надо. – И срываюсь с места. Не бегом, но быстрым шагом, потому что впереди маячит слишком знакомая макушка соседа, которого неплохо бы было догнать, чтобы спугнуть Егора.

– Что нового? – на ходу интересуется Колчин, будто мы и правда гуляем.

Я молчу.

– Я скучал.

Я молчу.

– Блин, Ась, притормози!

Я отдергиваю его руку, касающуюся моей, снова и снова. Это похоже на потасовку: он хватается, я отбиваюсь. Впереди уже мелькает мой двор, и сосед удаляется от меня. Вот-вот скроется за стеклянной дверью подъезда.

– Егор, пожалуйста, отвали, прошу тебя! – кричу я наконец.

Сосед притормаживает, чуть поворачивает голову, так что я вижу его профиль, – кажется, хмурится, качает головой и опять прибавляет шагу.

Он мне смутно знаком, но рассмотреть не успеваю.

– Поговори, и отвалю.

Вот и все, я во дворе, а сосед уже скрылся в подъезде. Одна надежда, что сейчас выйдет с собакой.

– Ась... – Егор тормозит меня и заводит под деревья, где стоит одинокая разбитая лавочка.

– Ась, Ась, Ась! – Его пальцы касаются моих щек и скул. – Ась... – шепчет Егор, прижимаясь лбом к моему лбу. Раскачивается с ноги на ногу, будто мы танцуем.

– Ася, прости меня! – Его дыхание касается моих губ, и приходится сделать жадный вдох, потому что тело не обманешь: оно требует привычных ощущений. – Ася, все, что летом было, ничего не значит.

– Для меня тоже, – шепчу в ответ, с ужасом понимая, что это правда.

Я даже не уверена, что что-то было. Так и вижу, как Егор, сходящий с ума, делает злобные фотки с какими-то левыми девчонками и отправляет мне, а потом сидит в углу в одиночестве. Но меня не трогает, даже если это не так. Я перегорела? И мне от этого еще больнее. Неужели даже что-то настолько значимое и большое однажды заканчивается?

Егор отстраняется и с восхищенной улыбкой смотрит мне в глаза. Он думает, что для меня его похождения пустой звук, потому что я его прощаю. А на самом деле мне просто без разницы, когда, с кем и чем он занимался. Я отпустила эти отношения в тот момент, когда перестала ревновать. Он читает это по моему лицу. Хмурится и качает головой.

– Ася. – Снова приближается ко мне, снова его широкие ладони обхватывают мою голову. Из-за тонких косичек кожа кажется обнаженной и прикосновения чувствуются особенно остро. – Пожалуйста! Я без тебя, кажется, жить не могу, веришь?

– Верю.

– Мне плохо, и я безумно скучаю.

– Я понимаю. – Во мне что-то медленно ломается. Руки тянутся сами, и я касаюсь гладких щек Егора, будто хочу его успокоить. – Я понимаю, но все закончилось. Давай это примем?

– Не могу.

– Пожалуйста. – У меня по щекам предсказуемо катятся слезы. Я знала, что все этим закончится. Вижу, как Егор наслаждается, вытирая их большими пальцами с моего лица, словно это венец его победы. Мой белый флаг. – Егор, пожалуйста, живи дальше.

– Я попробовал, мне не понравилось. Неужели тебе нравится без меня? Это было самое пустое и ужасное лето. Не верю, что твое было лучше. Ась. Ася. – Меня тошнит от собственного имени, столько раз он его произнес. – Давай попробуем? Давай поговорим завтра?

Мы стоим, вцепившись друг в друга, как тогда в квартире, но на этот раз мне не настолько больно. Едва затянувшаяся рана не пульсирует, не нуждается в пантеноле, не привлекает мое внимание. Мне душно. И страшно сорваться снова. Летом я этого от себя ждала. Сейчас я рассчитываю, что я нечто большее, нежели вечно наступающая на одни и те же грабли девчонка. Но достаточно ли я для этого сделала, если даже жизнь обратно вернуть не спешу? Даже к друзьям и то не смогла подойти.

– Я пойду? – спрашиваю Егора, который в ответ качает головой.

– Так будет лучше. – Привстаю на цыпочки и целую его в щеку.

Егор прижимается ко мне, гладкая кожа касается губ, и в ту же секунду я понимаю, что совершила ошибку. Он проводит носом по моей щеке снова и снова, заставляя в предвкушении замирать сердце. Неужели это так просто? Я не целовалась с ним два месяца. Очень долго – дольше, чем когда-либо.

– Не надо, – беспомощно шепчу Егору на ухо, вырываясь из объятий, но это, наверное, слишком робкие попытки.

– Что не надо? – Он касается губами моей щеки.

Какая же я глупая, господи! Его прохладные пальцы оказываются на моей шее под косичками. Так все знакомо и привычно, будто и не пропадали никуда: прикосновения, дыхание. Даже сердце замирает точно так же, как раньше.

Делаю шаг назад – он делает то же самое.

– Не надо, – велю строже, зная, что проиграла, потому что на один короткий миг, меньше секунды, он все-таки меня целует. Сухими горячими губами. Без принуждения и агрессии. С нежностью и кротостью, каких не было уже давно.

Просто прижимается и отпускает, отстранившись и облизнув пересохшие губы, смотрит мне в глаза с вызовом: *ну теперь уйдешь?*

Уйду.

Я разворачиваюсь и иду к тротуару, обходя лужи. Щеки горят, губы горят, и под ребрами зияет дыра от боевого снаряда, который когда-то разорвал грудную клетку.

– Простите. – Едва не сбиваю с ног соседа, который все-таки вышел на прогулку с Вячеславом, как я и предполагала.

Он ловит меня за плечи и отвечает:

– Ничего.

Поднимаю голову и впервые вижу, кто же этот таинственный незнакомец. Костров.

– Костров? – Во все глаза смотрю на одноклассника, который стоит, чуть сдвинув на переносице брови. Может, не узнает? Мы общались всего пару раз, а может, и вовсе только сидели рядом на английском.

– Здравствуй, – кивает он.

– Ты мой сосед?

– Понятия не имею.

– Но ты живешь в соседнем доме?

– Живу, – чопорно отвечает он, делает шаг назад и поднимает взгляд на деревья, из-за которых вышла я, а теперь Егор.

Тот нарочито медленно вытирает губы и поправляет волосы, потом куртку, будто только что произошло что-то большее, чем короткий поцелуй.

Костров опускает взгляд, как приличный мальчик, кивает Егору и уходит. Следом тащится Вячеслав, иногда на меня оборачиваясь.

– Ты его знаешь?

– Это наш одноклассник. Костров, – шепчу вслед соседу.

– Общаешься с ним?

– Нет. Он мой сосед.

– Ясно. Заеду за тобой утром.

– Что? Нет!

Но Егор уже идет к машине с таким видом, будто только что выиграл битву. К счастью, не войну.

Глава 3

Ну конечно, это Костров. Это он мелькал все время в окне напротив. Он отжимался и работал за ноутбуком ночами. Теперь, когда знаешь об этом, можно даже издали узнать его черты, к которым я, честно сказать, никогда особенно не приглядывалась.

Сажу на истории Англии и кошусь на первую парту – вот где я видела этот профиль. И затылок с торчащими во все стороны русыми волосами мне знаком.

Костров. Кто бы мог подумать? Я никогда раньше не приближалась к этому человеку, как и большинство ребят с потока. Вроде бы мы занимались английским на первом курсе в одной подгруппе, но он всегда был слишком в себе и держался особняком. Он всегда хорошо одет, носит кучу каких-то приблуд: айпад, айпод, макбук; крутые наушники, часы. У него с собой всегда есть бутылочка воды. Он никогда не опаздывает, не пропускает пары. Он всегда в срок сдает задания.

Странный он. Как минимум потому, что давно работает кем-то типа программиста и может не тратить время на тупые лекции и бессмысленные курсовые. Они в жизни ему никак не пригодятся. Все его уважают, но никто с ним не дружит.

Слышу скрип стула партой выше и покашливание Егора, как будто меня отчитывают за то, что слишком долго пялюсь на Кострова. Разумеется, по привычке оборачиваюсь. Тут же Компашка Колчина взрывается смехом, на его губах тоже расплывается самодовольная улыбка. Олешка, один из самых приближенных его величества, передает тысячу рублей Владу, второму по важности среди придворных. Они спорили, что я обернусь? Это ниже, чем все, что они когда-либо делали. Влад демонстрирует мне купюру и размахивает ею в воздухе, Олег принимается изображать собачку. Какая гениальная сценка. Значит, я – это падкая до денег псинка. Потрясающе!

Егор без улыбки следит за моей реакцией, будто доказывая, что это месть за задетое самолюбие. Этим утром Колчин за мной и правда приехал, но я просто не пришла на первую пару. Он проторчал под окнами минут тридцать, прежде чем покинуть двор, и только потом я вышла из дома. Теперь сидит в окружении друзей и сверлит меня взглядом. С другой стороны аудитории на меня поглядывают «А я говорила». Лекция поточная, так что вся команда в сборе: Женька машет мне рукой, я – ему. Аня обращает на это внимание, и на долю секунды мы пересекаемся взглядами, но ее гордо вздернутый курносый нос ясно дает понять – о примирении можно только мечтать. С последнего ряда тут же снова слышится звук скрипящего стула.

«Ну что? Ботаник или отважный капитан?»

Я кошусь на телефон и не с первого раза его разблокирую, камера глючит после замены экрана. Ботаник? Неужели он успел за три секунды приревновать меня к Кострову? А отважный капитан – это, конечно, Женька.

«Тебе какое дело?»

«А то, что было вчера, ничего не значит?»

«Разумеется, не значит, потому что ничего не было. Отстань. Если захочу, у меня будут оба».

Как-то не по себе становится писать такое Егору, но он читает сообщение прежде, чем я успеваю его удалить. Не оборачиваюсь, держусь из последних сил, потому что знаю, что он смотрит. Волосы, кудрявые из-за вчерашних косичек, мешают обзору, так что не могу поймать Колчина даже боковым зрением, но за спиной явно какое-то движение. Судя по звукам, он встает с места. Спускается по ступеням амфитеатра. Проходит мимо, специально задев меня бедром, и телефон летит на парту. К счастью, он приземляется на тетрадь, а не падает по гладкой поверхности на пол. Егор выходит из аудитории, хлопнув дверью с такой силой, что на пол осыпалась штукатурка.

– Что случилось? – Через парту ко мне перевешивается Олечка, стыдливо поглядывая по сторонам.

Вчера меня приветствовали, потому что Егор решил, будто я к нему вернусь. Видимо, при таком раскладе наше расставание было бы мигом забыто, а я снова стала королевой-консортом. Плану было не суждено сбыться, и я опять всего лишь монаршая особа в изгнании.

– Я откуда знаю? Он же *твой* друг.

– Ну, он же *твой*...

– Он. Не. Мой, – повышаю голос на Олю, развернувшись к ней всем корпусом.

Теперь на нас уже смотрят все.

Она самоуверенно кривит губы, всем видом показывая, чтобы не зарекалась. Ловлю взгляды «А я говорила», которые даже не пытаются скрыть, что не пялятся, и ищу в них силы. Вдруг кто-то даст знак, что все будет хорошо? Что мы снова станем друзьями и я просто вернусь в прежнее русло? Что я хоть немного это заслужила?

Но преподаватель откашливается и выводит всех из транса, заставляя перестать друг на друга тарачиться. Аня ухмыляется, приняв нашу перепалку с Олей за очередное проявление дружбы, а это худшее мое предательство. Можно смело отсрочивать примирение на пару недель.

– И все равно *твой*, – хихикает Олечка.

Хочу ее убить. Вместо этого падаю лбом на парту и без настроения жду конца пары. Со звоном торопливо собираю вещи со стола и, едва разогнувшись, натыкаюсь на Женьку.

– Привет! – Он неловко машет рукой.

– Привет.

Женя до ужаса милый. Рыжий, веснушчатый, крепкий. Мы его звали нашим Роном Уизли. А он говорил, что тогда однажды непременно женится на одной из нас, раз уж мы все его подруги. От теплых воспоминаний из прошлой жизни хочется плакать, а не смеяться.

– Хотел сказать, что если вдруг... – начинает он, но прямо за мной сидят «курочки», и, увидев их, он почему-то не решается продолжить.

Он хотел позвать меня на игру? Или просто подошел, чтобы поздороваться?

– В общем, мы тоже были рады тебя видеть.

Вот такая запоздалая вежливость. Поглядываю на девчонок, которые ждут Женю внизу амфитеатра: Яна улыбается так же тепло, как и он, а вот Лена и Аня смотрят куда угодно, только не в нашу сторону.

– Что? Так быстро вернешься к старым подружкам? – Мимо цокает каблуками Оля. – Как дела у Аниютки?

– А ты согласна со мной дружить, если я не с Колчиным?

Она замирает, разворачивается ко мне и оценивающе смотрит. На мне юбка миди, почти до края все тех же полусапожек, и тонкий свитер. Нет, Оле это не нравится, и она поджимает губы, явно разрываясь между непониманием, что со мной стряслось за это лето, и уверенностью, что я совершила серьезную ошибку.

Я сама смотрю на нее и чувствую себя неуютно в собственной одежде. Отвратительное ощущение, которое возникает рядом с такими очевидно привлекательными людьми, как «курочки».

– Не понимаю, – подтверждает она мои догадки. – Зачем ты так странно выглядишь? И ведешь себя. Все же было хорошо. Далась тебе эти ботаники с квизов... А как же «курочки»? – Она кивает в сторону Риты и Маши, которые, потерянные, стоят в сторонке, будто не поняли, почему нам больше нельзя дружить вчетвером.

– Повторю вопрос. Я нужна вам без Егора?

Оля сглатывает слюну, быстро облизывает губы и косится на девочек. Но так и не находит что ответить. Разворачивается, Маша и Рита просто идут вслед за ней. Видимо, это вместо

«нет». Нет, без Егора я им не нужна. Я не сомневалась, и это не обидно, но все равно минус к настроению.

Наконец начинаю спускаться, но натываюсь на новое препятствие: из-за парты встает Костров. Он оказывается на полторы головы выше меня, вот уж точно кого никогда раньше не разглядывала. Кажется, Тимур. Тимур Валентинович, если точнее, – его так обычно называют.

– Проходи. – Он отступает, освобождая мне место.

– Спасибо. Привет, кстати. – Улыбаюсь ему, а он опять сводит на переносице брови, как вчера. Ну что, мне и с ним нельзя говорить? Он неприкасаемый? Тоже слушается Колчина? – Надо ответить: «Привет».

– Привет, – тупо повторяет он. Не улыбается.

– Ну ладно, давай, до встречи. – Натянута ему улыбаюсь.

Он опять с хмурым видом поднимает голову. Да что такого? Ботаникам чуждо человеческое?

– И ты мне ответь: «До встречи». – Мне даже весело становится. Он какой-то мальчик из космоса.

– Зачем?

– Что зачем?

– Зачем мне говорить «до встречи»?

– Ну, люди обычно так прощаются.

– Но мы же только что поздоровались. Можно было просто не здороваться, и не пришлось бы прощаться.

Вау. Я смеюсь, а через пару секунд понимаю, что это не шутка. Господи, он совершенно серьезно. Думаю, что же ему ответить, но Костров собирает вещи и молча уходит.

– Вы идете или тут останетесь? – торопит меня преподаватель, крутя на пальцах ключи.

– Иду, конечно.

Хватаю сумку и спешу вслед за моим космическим соседом Костровым.

Глава 4

В магазинчике тканей на цокольном этаже всегда дышалось чуть хуже из-за нехватки свежего воздуха и плохой вентиляции, зато в жаркие июльские дни было прохладно. За два месяца я полюбила это место и, кажется, если никогда не стану переводчиком, на которого учусь, просто вернусь сюда – навсегда работать за гроши. Говорят, такое отчаяние охватывает многих перед дипломом. Спускаюсь в отдел, испытывая ностальгию, и перевешиваюсь через прилавок.

– Привет!

Незнакомая девушка близоруко щурится, достает из кармана очки, но не понимает, кто я и что я, даже изучив меня сквозь толстые линзы. Я работала, как раз когда она была в отпуске, и мы никогда с ней не пересекались.

– Ася. Работала тут два месяца вместо тебя, там мне должны были оставить бордовый поплин и два замка.

– А-а... – тянет девушка, видимо не совсем понимая, о чем речь.

Она шарит под прилавком, достает сверток поплина, из которого я собираюсь сшить постельное, и протягивает мне. Я караулила такой большой уцененный кусок все два месяца, что работала, и вот наконец дождалась. Руки чешутся сшить белье мечты цвета марсалы, хотя, может, это и бордовый, винный или просто темно-красный. Ткань покрыта затяжками, и прямо по центру развод более бледного оттенка, но плевать. За такие деньги я была готова купить что угодно.

С Егором у нас был совсем другой уровень жизни благодаря его слишком обеспеченному отцу и безобразно доброй матери, которая, чуть что, задаривала нас чем угодно: и постельным, и дорогими полотенцами. Я будто попала с семьей Колчиных в параллельный мир, где было можно все. Все для меня. Вернуться обратно немного сложнее, зато благодарить за все нужно только себя, что вообще-то в сотню раз приятнее. Даже неожиданно.

Смотрю на сверток и радуюсь, словно купила дорожную и давно желанную люксовую сумочку. У меня кошмарная кровать, на удивление с приличным матрасом. Ножки скрипят при каждом перевороте с боку на бок, зато не болит спина. А вот с простынями напряг. Когда-то я забрала от родителей два вида комплекта, которые так и не обновила, переехав жить к Егору.

Выхожу на улицу и тут же замечаю на парковке слишком знакомую машину. Не сразу придаю значение. В конце концов, мало ли похожих черных седанов. Но дверь распахивается, и на тротуар выпрыгивает Колчин. Разминает руки и шею – слишком знакомый жест, – поглядывает по сторонам, снимает и швыряет на сиденье солнцезащитные очки, прежде чем закрыть дверь.

Если сейчас уйти вправо, может, он и не заметит? Или спуститься и сидеть в магазине до темноты? Быть трусихой не хочется, даже берет злость, что я не могу ходить спокойно по собственному району.

Он ничего мне не сделает.

Смотрю по сторонам, и, как назло, ни одного прохожего. Прижимаю к груди свой поплин, торопясь свернуть к тротуару. Там пройти всего метров пятьсот, и можно спрятаться в подъезде, избежав неприятного разговора. Разумеется, Егор думает иначе. В веренице добрых воспоминаний никогда не было места для чувства уважения к чужому и личному пространству. Он в две секунды оказывается рядом, играючи ловит меня за талию и с самой добродушной улыбкой приподнимает так, что наши лица оказываются на одном уровне.

– Привет.

– Ну, что надо? – Я зла. Такими темпами во мне ни капли сострадания не останется.

– Да так, ехал, вспоминал все хорошее, что было, – улыбается он, шурясь от яркого солнца.

Было. Было много хорошего, и я не стану лгать, говоря, что это не так. Даже не попытаюсь сделать вид.

В машине, припаркованной в двух метрах от того места, где мы стоим, прошла сотня наших вечеров. Мы оба обожали кататься по ночному городу. Ели фастфуд, кричали из окон. Я даже пыталась Егора убедить пересесть со мной на мотоцикл. Но он сказал, что я непременно убьюсь, и был в этом вопросе категоричен, а вот на машине кататься любил. Там же порой эти вечера и заканчивались, и даже сейчас от воспоминаний об этом розовеют щеки. Егор явно замечает, потому что его глаза начинают нехорошо и азартно сверкать.

– Прокатимся? – Он ставит меня на место, подпрыгивает, как боксер перед ударом, и кажется совсем юным пацаном, в которого я когда-то влюбилась.

Тот пацан встречал меня из кинотеатра в полночь и вез домой. Не настаивал на первом поцелуе и долго красиво ухаживал.

– Я не хочу.

Это нечестно, но правильно. Нечего давать шансы. Пытаюсь уйти, но Егор ловит меня за плечи.

– Сядь в машину.

– Нет.

Я его не боюсь, конечно, но в горле что-то нехорошо першит. Егор не полный идиот, но он очень импульсивен. Из тех, кто может начать швырять телефоны в стену или бить посуду. Он может взорваться и за секунду превратить день в адреналиновые горки. Всякий раз, спускаясь с них, я чувствовала себя почему-то невероятно счастливой. Сложно объяснить, но каждая ссора казалась концом света, а в момент примирения становилось настолько хорошо и легко, что появлялось ощущение крыльев за спиной. Вседозволенности. Человек, которого нельзя было обнять, вдруг обнимает тебя сам, а ты думаешь, что оно того стоило. Почему-то.

Я ненормальная, должно быть. Или была малолеткой, обожающей истории про вампиров и героевабьюзеров.

– Сядь. В машину.

– Это ни к чему.

– Сядь! – очень громко рявкает Егор.

Я вздрагиваю и жмурюсь от неожиданности, всплеск адреналина и страха прокатывается по телу. Это ненормально, и он не имеет права так себя вести.

– Ты правда хочешь все испортить? – тихо спрашиваю его, пытаюсь поймать взгляд, но он будто специально смотрит куда угодно, но не в глаза.

Раньше я очень быстро сдавалась и никогда не умела успокоить Егора. Да и особо не хотела. В его шумном, вздорном характере было что-то привлекательное. Он часто говорил: «Я сложный, меня не каждая вытерпит!» А я думала: «Я особенная, черт возьми!»

– Егор, я не хочу с тобой ехать. Нет – значит нет.

Он сжимает пальцами мои плечи:

– С кем ты теперь?

– Одна.

– Почему мне иначе написала? – Он бегаем взглядом по моему лицу, ищет, в какой момент совру.

– Потому что имею на это право.

– Нет, блин, не имеешь! – Он повышает голос на каждом слове, а я все сильнее втягиваю голову в плечи. – **НЕТ. БЛИН. НЕ ИМЕЕШЬ!**

А вот и та самая истерика, которая никогда не заканчивалась ничем хорошим. Я точно знаю – мне нельзя сейчас оказаться в машине Колчина. Я очень быстро вырываюсь; разозлившись, он теряет концентрацию. Делаю два шага, и он тут же ловит меня за руку.

– Пожалуйста, – шепчет он, уткнувшись мне в волосы. – Не говори так, это же неправда, Ась! Пожалуйста. – Он прижимается лбом к моему затылку. Клонит голову то вправо, то влево, как нашкодивший и устыдившийся кот, молящий о ласке. – Пожалуйста.

– Отпусти, люди смотрят.

– И что?

– Я закричу.

– И кто тебе поможет?

– Я не знаю. Просто отпусти.

И уже смирившийся со своей потерей, как будто расслабившийся и осознавший все, Егор опускает руки. Но стоит только сделать шаг в сторону, вдруг хватает меня и тащит в машину.

– Егор, блин, да что ты за псих! – Я царапаюсь, а он не реагирует. – Хватит! Что ты собираешься со мной делать?

Он усаживает меня на переднее сиденье, даже пристегивает и, хлопнув дверью, блокирует замки. Я колочу по окнам, прохожие только закатывают глаза.

– Мне страшно! – кричу Егору в лицо, как только он садится за руль и выезжает на дорогу. – Это ненормально! Ты с ума сошел?

– Да, сошел. Поговори со мной нормально, и отпущу.

– Господи, да единственный разговор, который ты воспримешь, – это если я скажу, что мы снова вместе!

Он добавляет скорости и летит на красный под мой визг и гудки машин.

– Тормози!

Он молчит. Проезжает мимо дома, сворачивает на широкую центральную улицу, и я уже представляю дальнейший маршрут. Через мост к красивым домам из стекла и бетона – в параллельную жизнь, где я провела последние два года.

Он резко выворачивает на кольцо, пересекает две полосы, практически не глядя в зеркала, и почти устраивает аварию под мой визг.

– Почему для тебя ничего не значит то, что я этого не хочу? – Плохо вижу дорогу сквозь пелену слез и не свожу взгляда с напряженного Егора. Я не кричу, потому что это бесполезно. Единственное, что может остановить машину, – адекватность, а чтобы привести Егора в чувство, нужно его успокоить.

Касаюсь его локтя, он отдергивает руку в попытке избавиться от моих пальцев.

Ясно, сейчас лучше без прикосновений. Взяла на заметку.

– Потому что ты сама не знаешь, чего хочешь, – зло усмехается он, прибавляя газу.

– А ты знаешь?

Странно говорить спокойно, когда сердце бешено колотится – близко к предельной скорости. Машина разгоняется так сильно, что превращается в капсулу смерти. Если сейчас кто-то выйдет на дорогу, Егор его даже не заметит.

– Я знаю! – прикрикивает он, неловко входя в поворот.

Жмурюсь, но сдерживаю крик, чтобы казаться спокойной.

– Верни меня домой. Ко мне домой. Пожалуйста. С чего ты взял, что я...

– Все это знают! Все знают, что ты хочешь вернуться. – Он смеется, резко обгоняя стоящие на светофоре машины. Думаю, они не успевают заметить, как машина Егора превращается в точку на горизонте. Я даже не успеваю узнавать улицы, по которым мы едем.

– Ты такая обманщица! Лискина, ты просто маленькая трусливая стерва, которая ждет, что к ней приползут.

Это так страшно, когда человек верит только в то, во что хочет. У меня мурашки по коже оттого, насколько это жутко.

– Я ушам не поверил, когда ко мне подошла Оля. Seriously? Поговорить с ней, а потом меня отшить? – Он отворачивается от дороги и смотрит на меня. – Ты дала мне гребаную надежду, а потом посмеялась?

– Егор, следи за дорогой.

– А что такое?

– Егор. Следи. За дорогой.

Меня тошнит от страха. Кажется, никогда так не боялась.

– Давай, Ася, скажи мне, что это неправда.

– СМОТРИ ЗА ДОРОГОЙ!

Если вцеплюсь в руль, машина точно потеряет управление. Слышу гудки, вой сирен. Это или правда, или игры сознания, которое подсовывает иллюзии, что с нами может произойти минуты через две, когда на дороге окажется очередная машина.

– ТЫ ХОЧЕШЬ ВЕРНУТЬСЯ!

– СЛЕДИ ЗА ДОРОГОЙ!

Во рту скапливается слюна, меня вот-вот вывернет: чувствую волну за волной, и голова кружится.

– Да. Да, ты во всем прав! Просто смотри на дорогу, умоляю тебя!

Он улыбается, как настоящий дьявол, и медленно поворачивает голову к лобовому. Новый резкий поворот – я, как кукла, падаю на дверь и прижимаюсь щекой к холодному стеклу. Тошнота не отступает, как и страх. Закрываю глаза, чтобы не видеть, что происходит. Волна адреналина окатывает, и меня начинает бить крупной дрожью, как после прыжка с тарзанки.

– Я подожду. Сколько ты выдержишь свое одиночество, а? Каждый раз, когда ты будешь одна, рядом буду я. А ты *всегда* одна. – Он пожимает плечами, объясняя мне эти простые истины. – Все знают, что ты не сможешь долго быть отверженной, ты же центр гребаного мира.

Все знают. Все знают. Все знают.

– Ты думаешь, скажешь, что я тебя пугаю, и кто-то тебе поверит? Это же смешно, Ась!

Никто не поверит. Никто не поверит.

– Ты действительно думаешь, что тебе нужна от меня защита?

Защита. Неужели мне от Егора теперь нужна защита?

– Все же было хорошо! Что тебя не устраивало? – кричит он так громко, что хочется сделать потише, будто звук доносится из стереосистемы и мне нужно просто повернуть колесико.

– Да я жить без тебя не могу! Что тебе еще нужно?

Жить не может. Жить не может. Жить не может.

– Все знают, что ты ко мне вернешься. Так и будет, потому что люди, Ася, не меняются. Ты можешь вернуться к своим друзьям и ходить по своим играм. Можешь наряжаться во что захочешь и жить где захочешь, но ты – это всего лишь ты. – Он начинает говорить тише, а я понимаю, что все это время по моему лицу катились слезы – и, кажется, по его лицу тоже. – Через месяц соберешь вещи и как миленькая вернешься. И по девочкам ты своим соскучишься, и по магазинам с безлимитной картой, и по нормальной компании. Но самое главное, Ася, ты соскучишься по мне.

Он тормозит. Я оглядываюсь и понимаю, что это мой двор. Егор сделал крюк по району и вернулся, пока я сидела и ничего не видела.

– Я дал тебе время отдохнуть, все обдумать. – Он глушит мотор, я тут же тянусь к ручке трясущимися руками, но замки по-прежнему заблокированы. Значит, разговор еще не окончен. – Два месяца пытался забыть, потом увидел – и все, как будто ничего и не было. Все так просто не закончится.

Егор тянется ко мне, я отшатываюсь, но скрыться негде. Его пальцы зарываются в мои волосы, сжимают их до боли – он пытается меня к себе притянуть.

– Ты сумасшедший. – Мы так близко, что я шепчу это ему прямо в губы.

– А ты одна, – улыбается он. – Девочки от тебя отвернулись, потому что без меня ты им неинтересна.

Я его не узнаю. Или меня просто больше не цепляет вся эта абьюзерская романтика?

Егор все еще держит меня так, что наши носы соприкасаются. От боли в затылке из глаз по-прежнему бегут горячие слезы.

– Твоя команда тебя обратно примет не скоро, потому что ради *меня* ты от *них* ушла. – Он тянется и мягко целует меня в щеку. – Твоя Анечка тебя не примет, потому что ты ее предала.

Меня качает на волнах страха и тошноты. Нет, все-таки таким жестоким он раньше не был. Или я не помню? Ну неужели мне отшибало память всякий раз после наших ссор? Или я так сильно любила и ничего не видела? Или я и правда ему нужна, чтобы быть адекватным? Без меня он становится просто опасен.

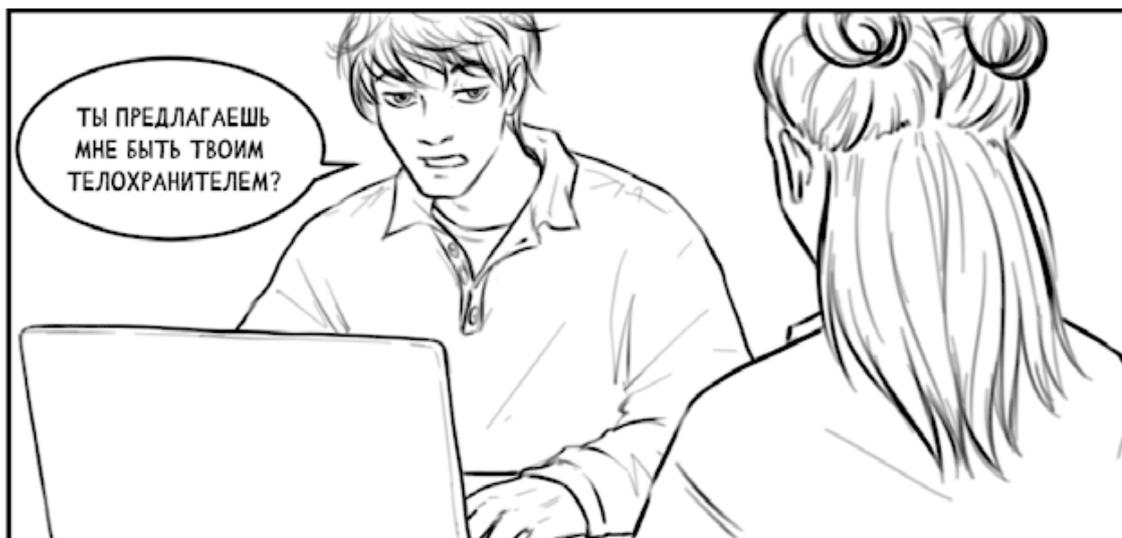
– И кто у тебя, кроме меня, есть?

Он ловит мой взгляд, я ищу в его лице хоть что-то знакомое, но вижу только болезненную одержимость и бесконечную печаль.

– Я. У меня есть я! – выдавливаю слова из последних сил. – Этого недостаточно?

– Не знаю, как тебе, а мне всегда тебя было достаточно. – Он смотрит в глаза, чего-то ждет, потом пару секунд молчит и тихо-тихо продолжает: – Я был хорошим. Правда. – Теперь его губы практически касаются моих, я слушаю каждое его слово не ушами, а кожей. – Кажется, пора прекращать?

Слышу, как открываются замки. Пулей вылетаю и мчусь к своему подъезду, но не успеваю дойти, как желудок сжимается и меня тошнит в ближайшую мусорку. Отдышавшись, сажусь на лавочку и с удивлением замечаю, что все это время держала в руках сверток поплина.

Глава 5

Сосед Костров из дома напротив выполняет привычный ритуал под моим тщательным присмотром. Мне не лезет кусок в горло, и зарядку делать совсем не хочется. Вместо этого сижу у балконной двери в старом кресле и наблюдаю за ним – кажется, его жизнь совсем не меняется. Совсем. Это приятное постоянство.

Сейчас он сделает разминку. Потом отжимания. Потом подойдет к прикрученной в балконной нише перекладине и сделает три подхода по десять. Всегда одно и то же; видимо, так он поддерживает форму и здоровье. Мне сложно оценить его фигуру, но я и не стремлюсь. Пусть он просто делает что положено.

Костров идет на кухню, рвет листья, готовит – его практически не видно в эти минуты. Скоро он вернется и сядет за стол все в той же балконной нише.

Давай, дорогой, не нарушай правила.

Сначала в гостиной появляется Вячеслав, потом Костров. Он наклоняется и ставит что-то на пол, видимо завтрак Вячеслава. Затем сам садится за стол.

Спасибо. Моя константа.

Встаю и подхожу к подоконнику, где с Персиком соседствуют горшки с землей и остатками цветов. Внизу на парковке вот уже минут тридцать стоит машина Егора. Я одета, накрашена, даже обута. Готова выходить. Но боюсь до жути. Когда я была маленькой, мы с родителями жили в частном секторе на окраине города. У нас был один ключ на всех. Его было положено перед школой вешать на крючок в старой бане, чтобы тот, кто первым придет домой, мог его оттуда снять.

Я боялась ходить в баню. Она когда-то горела, и потому внутри тошнотворно пахло гарью и сыростью. Там было темно. Стояли горы коробок и старых вещей. Каждый день я боролась с этим страхом. Вместо того чтобы стать смелой, ждала, когда из стоящего рядом дома выйдет сосед, чтобы выгулять пса. Пока они возились с поводком и ошейником, оставаясь в зоне видимости, я быстро бежала в баню, задержав дыхание. Вешала ключи на крючок и пулей вылетала на улицу. Это тоже было страшно, но не настолько.

Сейчас я чувствую себя девятилетней Асей. И в тот момент, когда Костров скрывается в недрах квартиры, чтобы, как и я, к восьми выйти на пары, я тут же бросаюсь к двери, хотя до этого как будто никуда не собиралась. Мне просто нужно обогнуть дом и оказаться с Костровым на одном тротуаре, а потом сделать вид, что мы идем рядом. Даже разговаривать не нужно, просто пройти мимо Колчина, а потом мимо его свиты, ждущей короля у спортклуба.

Лечу по лестнице, забыв про лифт, и выбегаю на улицу, держась за бок. Осторожно приближаюсь к торцу здания, выглядываю и вижу его – во всем черном, приличного мальчика Тимура Кострова. Наш ботаник, гений, программист. Кажется, он даже чуть старше нас, но мы толком ничего про него не знаем. Этот человек не посещал посвящение в первокурсники, тусовки и квартирники в первые месяцы учебы, когда мы все были зелеными. Тогда сформировалась Компашка Колчина, определились и откололись отверженные, активисты, фрики. А Костров как сел первого сентября за первую парту, так там и остался. Умник. Он придумал не то какой-то уникальный код, не то программу и дорого продал. Сейчас наверняка тоже над чем-то работает, но мы не интересовались.

Это вообще не важно. Важно, что, если я миную два метра, пока Костров обходит огромную лужу у детской площадки, все будет почти хорошо. Колчин заводит мотор, а я лавирую между лужами, еще не покрывшимися льдом, и едва не налетаю на Кострова.

– Ой, прости. – За широкую улыбку я еще поплачусь от Егора, но сейчас это не особенно важно.

Костров слегка улыбается и кивает вместо ответа. Неразговорчивый космический мальчик, который стал моим новым соседом-собачником.

– Крутая у тебя собака.

– Она не моя. Мы просто живем вместе, – холодно отвечает Тимур Валентинович, но не прибавляет шагу.

Разговор тоже не продолжает, да и ладно, в целом я не претендую. Поравнявшись со спортклубом, мы не тормозим. Костров по понятным причинам – ему ни к чему, а я – потому что меня все игнорируют.

Егор успел доехать до друзей раньше, чем мы дошли. Я не знаю, что его останавливает, но точно не мое уверенное лицо. Переступаю невидимую защитную линию – оказываюсь на территории двора. Замечательно.

«После пар в то же время в том же месте, сосед-собачник», – мысленно велю Кострову, который ни сном ни духом, что меня проводил.

* * *

Крошечный кабинет, рассчитанный максимум на одну группу, кажется переполненным и душным – вероятно, оттого, что меня тут не ждут. Десять парт на двадцать два человека, задние сдвинуты для Компашки Колчина. Обычно я сижу где-то там, затесавшись между Егором и «курочками», но на этот раз свободных мест нет, кроме одного стула за первой партой. Эти места для тех, кто пишет лекции, а не занимается ерундой. Моя же тетрадь обычно пуста к концу семестра. Видимо, что-то в жизни пора менять.

Егор ловит мой взгляд, когда вхожу, и ерзает на стуле – явно ждал. Он улыбается, поднимает брови – мол, куда сядешь? Мы любили лекции по зарубежной литературе, потому что просто перешептывались и доводили друг друга до исступления неуместными шуточками и записками. Он ждет, что я это вспомню и сяду рядом?

Единственный свободный стул рядом с Костровым, конечно. Они сделали это специально, чтобы показать, где мое место. Этот бедолага даже не подозревает, во что вляпался. Иду туда под шепотки и очередное поскуливание друзей Егора, изображающих собачек. Думала, что, быть может, Костров вежливо улыбнется или вроде того, но он только кивает и отодвигает свои вещи, освобождая мне место. У него все безукоризненно аккуратно, по линейке.

Достаю тетрадь и ручку, крепко сжимаю пластиковый корпус, так что тот трещит. Преподаватель, как обычно, начинает лекцию прямо на ходу, не успев закрыть дверь. Мне не хватает времени, чтобы открыть тетрадь, а Костров уже вовсю печатает на сверкающем чистотой макбуке. Его пальцы мелькают над клавиатурой с такой скоростью, что я не успеваю следить и следующие пару минут не пишу ни строчки, а просто замороженно смотрю на них.

– Могу пересесть? Не видно с доски, зрением слаб.

Меня бросает в дрожь от голоса Колчина. Я чувствую его приближение кожей – запах тут же проникает в легкие ядовитыми парами, и мне приходится дернуться в противоположную сторону. Кажется, вчера во мне что-то прилично надломилось: вполне терпимые и даже по старой памяти приятные вещи вдруг стали невыносимыми. Я знаю, чего он хочет: пробудить воспоминания. Надеется, что у меня сработает рефлекс на этот кабинет и бубнеж лектора.

Сейчас Егор всю пару будет меня касаться – то так, то эдак. Он обязательно случайно погладит мою коленку и даже извинится. Наклонится так, чтобы дыхание коснулось шеи и кожа покрылась такими мурашками, что можно будет сразу выдать билет на темную сторону.

Он садится за нашу парту и тихо произносит, не отрывая взгляда от доски:

– Привет.

Я молчу.

– Прости, можем местами поменяться? Мне от кондея дует, – шепчу Кострову и глубоко вдыхаю, чтобы перебить запах Колчина.

Эти двое настолько по-разному пахнут, что, кажется, один напрочь вытесняет другого. Плотный запах новой кожанки и дорогого парфюма перебивается чем-то вроде зеленого яблока. Не уверена, но меня устраивает.

Костров медленно поворачивает ко мне голову, шурится и смотрит пару секунд прямо в глаза. Что? Моя просьба такая неловкая? Он переводит взгляд на Егора, растянувшегося за партой, будто на шезлонге. Тот не пишет лекцию, вообще не слушает. Он достал телефон: быстро что-то листает, и иногда на лице проскальзывает усмешка.

Костров наконец кивает, и мы меняемся местами. Он быстро начинает, видимо по памяти, печатать лекцию. Слова появляются одно за другим, и я снова торможу, наблюдая за его пальцами. Это как ASMR-видео – можно смотреть вечно. А Костров косится на меня и молча дергает подбородком – мол, чего надо?

Я качаю головой и киваю на полупустую страницу. Костров чуть разворачивает ко мне корпус, а я удивленно моргаю. Он дает мне списывать? Я ведь ненавижу лекции, ненавижу воспринимать информацию на слух, а тут такой подарок судьбы! Этот уникал даже запятые расставляет! Я в лучшем случае могу слово дописать, и то обязательно пропущу три после него.

Мы сидим за одной партой: я, Егор и, как щит между нами, Костров. Через пару минут я даже забываю, что в аудитории есть другие люди. Я просто слежу за строчками на мониторе и переписываю в тетрадь их слово за словом. Удивительно, но мне нравится этим заниматься. Минут через пятнадцать я замечаю, что на губах Кострова появляется слабая улыбка. Ему тоже весело. Колчин же поглядывает на меня – это чувствуется, но я слишком увлечена письмом.

– Какая слаженная работа. – В голосе чувствуется ирония.

– Не мешай.

Ничего себе!

Костров так просто обрубает Егора, не сбавляя темп письма, что тот на пару секунд замирает, чуть выдвинув вперед подбородок и подозрительно насупившись. Не верит своим ушам, кажется. А Костров даже внимания не обращает. Он занят делом, и я еле слышно хихикаю. Я оказалась под защитой местного гения, которого никто ни разу даже по имени не звал – исключительно по имени-отчеству.

Костров – звезда. То и дело он становится чем-то знаменит, и преподаватели сводят нас с ума. Тимур Валентинович то, Тимур Валентинович это. Давайте поздравим Тимура Валентиновича с очередной победой.

– Не отвлекайся, – тихо шепчет он мне.

Я вижу, что у него заканчивается страница, а значит, скоро потеряю место, откуда списывала. Улыбаюсь еще шире и бросаюсь к тетрадке. Прямо слышу, как Колчин закатывает глаза. Мне это нравится.

Когда звенит звонок, я быстро собираюсь, чтобы успеть за Костровым, который уже через тридцать секунд стоит с сумкой на плече и ждет, когда я его выпущу. Приходится отступить, и тут же меня за руку ловит Егор.

– Что? – повышаю на него голос.

– На две минуты. – Выглядит жалобно. Лицо осунулось, синяки под глазами, вид потрепанный.

Вчерашний всплеск эмоций сегодня явно дает о себе знать. Я могу представить – скорее всего, всю ночь Егор страдал от страшной мигрени и под утро, сдавшись, выпил суматриптан². Слышала, как всю пару он часто сглатывал слюну и тянулся к бутылке с водой: от лекарства у него обычно ощущение крови во рту, и он пьет воду литрами.

² Синтетическое производное триптамина, разработанное для лечения мигрени.

– Нет, – бросаю ему и бегу на выход.

Догоняю Тимура Валентиновича, который уверенной походкой идет в сторону студенческого кафе. Я видела его там пару раз, хорошо помню. Он обычно сидит за одиночным столиком рядом с розеткой и что-то печатает на ноутбуке, будто ни на секунду не может оторваться от работы.

– Что-то нужно? – спрашивает он.

– Спасибо. – Улыбаюсь ему и жду какой-то реакции, но Костров до обидного невозмутим.

– Не стоит, – говорит и продолжает идти вперед.

– Слушай, я хотела... – пытаюсь начать диалог, но Тимур каким-то образом оказывается от меня уже в метре – а то и двух-трех – и исчезает в шумной толпе.

Я оборачиваюсь, услышав знакомое покашливание за спиной, и прибавляю шаг – за мной следует Егор, конечно! Сейчас будут извинения за вчерашнее, только что он там сказал? Я буду рядом всегда, когда ты останешься одна. Значит, я сделаю все, чтобы этого не случилось.

Вчера полночи крутилась с боку на бок, слушая скрип кровати. Я не могу использовать «А я говорила». Они меня не примут так быстро, Женя вообще триггер для Егора – я боюсь за него. Аня не станет разговаривать, пока не найду серьезного повода. Или пока не наберусь смелости, чтобы на все плюнуть и прийти на игру. А вот Костров другое дело. Кто всерьез подумает, что мне интересен Костров? Он безобидный ботаник, с которым меня ничто не связывает. Егор его, вероятно, даже не запомнит и точно не полезет с разборками. Кострова знает весь вуз, и половина преподавательского состава с ним на ты. Женьку никто бы не защитил.

Я мчусь в кафетерий, захожу как ни в чем не бывало, улыбаюсь «курочкам», будто между нами все по-прежнему, а те подозрительно косятся. Подхожу к одиночному столику, спрятанному в нише, где, конечно же, сидит Костров. На его подносе стакан апельсинового сока и какой-то злаковый батончик.

– Привет еще раз, – начинаю я, усаживаясь за столик, у которого, на мою радость, оказывается второй стул.

Услышав за спиной громкий хлопок двери, я выжидаю и затем поворачиваюсь к огромным окнам в пол, через которые открывается вид на оживленную улицу: Колчин широким шагом идет по тротуару к своей машине. Он сверлит меня взглядом, ухмыляется и садится в тачку. Не уезжает, а продолжает наблюдать за мной, как за рыбкой в своем аквариуме.

Костров же не отрывается от монитора. Я все равно чувствую, что меня окутывает его защитное поле. Егор может биться о него, как дементор о «патронус».

– Слушай, я хотела...

Костров вздыхает, опускает голову, молчит пару секунд и закрывает макбук. Он внимательно смотрит мне в глаза, точь-в-точь как в аудитории, когда я просила его поменяться местами:

– Остановись. Если ты думаешь, что сможешь использовать меня для того, чтобы поревновал Колчин, найди того, у кого есть на это время и желание. Меня подобное не интересует. – И он снова открывает ноутбук.

– Да нет, ты не понял. Ничего такого, – с трудом подбираю я слова, чтобы не спугнуть удачу, а звучит, словно смущена из-за нашего умника.

Главное, постоять тут еще немного, придумать причину. Так ли важно, если он решит, что я глупая, не владеющая речью блондинка? Все и так в этом уверены.

– А что ты такое?

– Я...

– Как тебя зовут? – Он склоняет голову набок.

Правда не помнит? Или делает вид?

– А-а-а-а.

Хватит теряться перед ним. Эй, ах, Асель, это просто местный Шелдон Купер!³ Скажи ему прямо в лицо: он тебе нужен!

– А-а-а, пожалуйста, не мешай.

Меня словно бьют по щекам.

– Выслушай, я по делу!

Придумывай, Ася, быстро!

– Ты уже поблагодарила за то, что дал списать лекцию. Разве это не все?

Костров какой-то слишком суровый, спокойный, при этом безобидный. Меня это притягивает как магнит. А еще меня привлекают отсутствие лести и нарочитая холодность: от него точно нельзя ждать чего-то неожиданного.

– Я хотела попросить о помощи, – выпаливаю, и щеки заливают краской так, что даже перед глазами алая пелена.

Вау! Меня смущает Костров, ничего для этого не делаю? Это что-то новенькое.

– Что? – Он поднимает темно-русые брови.

– Я... У меня проблемы с Колчиным. Слушай, ты же живешь в моем районе...

– Понятия не имею, где ты живешь.

– Ну, мы виделись. Ты сказал, что ты мой сосед.

– Нет. Это ты сказала, что я твой сосед. Это утверждение верно только для тебя, если ты знаешь, где ты живешь, и знаешь, где я живу.

– Черт, ты мой сосед. Ясно?

– Хорошо. Как скажешь.

– А ты не мог бы... Ну, это... провожать меня? Ну, не провожать, просто... Могу я ходить рядом с тобой? Просто рядом идти? Я буду молчать! Даже уши наушниками заткну и слова не скажу! – Изображаю, что рот будет на замке. – И сидеть рядом на парах. Не чтобы списать или типа того, просто чтобы ко мне не подсаживался Колчин. Просто ты такой... Ну, не как другие. В смысле... – Опять краснею. – К тебе Егор не полезет.

Костров изучающе на меня смотрит:

– Ты предлагаешь мне быть твоим телохранителем?

– Нет, просто сделать вид, что мы... друзья.

Дожили. Ася Лискина ищет себе фиктивных друзей.

Костров не отводит от меня глаз, смотрит и смотрит. Я чувствую себя монитором, в который он вечно пялится с хмурым видом. Невольно отвожу глаза, делаю вид, что поправляю волосы, а сама замечая Колчина, который сидит, вцепившись в руль.

– Одно слово или попытка заставить кое-кого ревновать, и нашей «дружбе» конец, – к моему удивлению, заявляет умник. – Теперь я хотел бы поработать. В тишине.

³ Отсылка к американскому телесериалу «Теория Большого взрыва».

Глава 6

Сижу на лавочке, грызу яблоко и жду Кострова. Я не видела, чтобы Компашка Колчина покидала универ, не видела, чтобы «курочки» шли к кафешке, но они могли выйти через другой корпус и уже давно торчать у спортклуба.

Не хочу видеть ни тех ни других. Компашка раздражает тем, что при виде меня начинает изображать собачек. Они, видимо, уверены, что если сто раз показать, на что я способна ради денег, так я непременно сама в это поверю. «Курочки» же ничего плохого, по сути, не делают, кроме того что никак не осекают своих парней. Каждая встреча с Олей заканчивается катастрофой. А еще отдаляет меня от Ани. С тех пор как родители решили отдать дочек-погодок в один класс, а потом и в один институт, еще больше лишив их индивидуальности, между ними пробежала черная кошка. Огромная, жирная и злая.

Когда вижу Олю, кажется, что приманиваю Аню силой мысли. Скорее всего, следом она выйдет на крыльцо, увидит нас вместе и демонстративно удалится.

– Рассказывай, – без предисловий выдает неизвестно откуда появившаяся Оля и падает рядом со мной на лавочку, даже не убедившись, что там чисто.

– Что?

– Помирились? Все в норме?

– Нет, Оль, мы не помирились. Мы не помиримся. Не жди: я все еще изгой. Что тебе нужно? Не боишься, что нас заметят вместе?

Она оглядывает меня от красных маков на свитере до мысков заношенных ботинок и прикусывает губу.

– Ясно. – Кисло улыбается и встает со скамейки, скрестив руки на груди. – Все на тебя злы, чтоб ты знала.

– О, я понимаю, ага, – язвлю я.

– И твое одиночество не наша заслуга, а твоя.

– Ага. – Снисходительно киваю.

– У Егора проблемы. – Она повышает тон.

– Да что ты! – Сердце все равно сжимается от этих слов.

– Он... был злой и пнул статую в холле. – Оля морщится. – Сидит теперь у завхоза, пишет объяснительную. Короче, Ась. Может, просто извинишься и все забудем? Просто... – Она поглядывает по сторонам и чуть ко мне наклоняется. – Я не знаю, что ты затеяла, но ты же понимаешь, что не сможешь ни с кем другим встречаться, да?

Мне сложно вздохнуть. Оля может быть не самой эрудированной, не самой сообразительной, излишне любящей дешевую драму, но она не стала бы такое говорить на ровном месте.

– Это смешно, – шепчу одними губами.

– А нам нет, – серьезно говорит она. Опять смотрит по сторонам и замечает всю Компашку в сборе, не считая Егора. Они спускаются по лестнице. Оля тут же делает беззаботное лицо, будто не сказала только что несусветную глупость. – Да о чем это я, ты сама все знаешь. – И глупо хихикает.

– Эй, Аська, как дела? – Олежка в отсутствие Егора всегда идет первым в стае, остальные тянутся за ним.

Где чертов Костров?

Друзья Колчина – отдельная тема для разговора. Я ни с кем из парней особо не дружила. Мне был относительно симпатичен бестолковый Влад, который вечно травил байки и иногда очень зло шутил, но, пожалуй, оставался при этом самым отзывчивым.

Иногда могла перекинуться парой слов с Романом – тихим мальчиком, на год младше остальных. Он окончил музыкальную школу, хорошо рисовал и был совсем не похож на того,

кто мог попасть под влияние Егора. Я всегда задумывалась: что он тут забыл? Роме была прямая дорога в серую половину нашей группы, где он не губил бы себя в тени друзей, а, быть может, даже занялся чем-то полезным.

Я находила что-то приятное в молчаливом Антоне, но мы мало общались. Остальные, наверное, были чуть больше похожи на Егора, и он им меньше доверял. Я чувствовала в нем собственническую ревность и лишний раз не лезла на рожон.

Олежка – зеркальное отражение Егора. У него зачесанные назад темные волосы, надменное выражение лица и смуглая кожа. Отец Егора владеет автосалоном, отец Олега – сетью премиальных автомоек. Их мамы – добрые женщины-домохозяйки. Их бабушки и дедушки – уважаемые люди, занимавшие когда-то руководящие посты. Мальчики из приличных семей.

– Егорка занят, решили вот развлечь тебя, а то ты что-то какая-то потухшая стала. – Олежка садится на место, которое до этого занимала Олечка.

Смотрю на нее и вижу во взгляде тень страха. Может, накручиваю себя, не знаю, но Оля как-то слишком часто дышит, то и дело кусает нижнюю губу.

– Я тут подумал... – тянет Олег, закидывая руку мне на плечи. В нос бьет усиленный запах дорогого дезодоранта. Не самое мерзкое, что может быть, но мне неприятно: еле держусь, чтобы не отшатнуться в сторону. – Если не сложилось у вас с Егоркой, не пропадать же тебе? Может, рассмотришь нашего малыша Ромашку? – Олег тычет в низенького прыщавого Ромку и улыбается во весь рот. – А то ты на себя не похожа, в тряпки какие-то наряжаешься – непорядок. Ты так свяжешься с дурной компанией, помани слово дяди Олега.

Олег наваливается сильнее. Я вглядываюсь в толпы студентов, выходящих из главного корпуса, в ожидании Кострова или, на худой конец, Егора. Он бы ни за что такого не позволил Олегу. Даже сейчас, когда мы поставили точку.

Пытаюсь скинуть лежащую на плечах руку, но она как намертво приклеенная и даже начинает чуть сильнее давить.

– Не нравится Ромка? Не беда! Антох, ты как? Второй сорт интересуется?

Второй сорт?

– Господи, какой придурок, – говорю сквозь зубы и, набравшись сил, все-таки скидываю руку Олега. Она падает на лавку.

Он медленно поднимает глаза – на лице появляется злобная ухмылка.

– Олег, брось, зачем портить настроение... – начинает Оля, но одного взгляда Олега хватает, чтобы та замолчала.

– А вот я не согласен, – подает голос Влад.

Я с надеждой смотрю на него. Веселые светлые глаза тепло смотрят на меня.

– Ромка и Антон не потянут, ты чего. Тут нужно много финансовых вложений. Ась, ну ты себя запустила, а? Моргунов, ты как, не хочешь попробовать? – Он обращается к Коле, возвышающемуся над остальными, скрестив руки на груди. Тот холодно улыбается, наблюдая за происходящим с каким-то удовлетворением.

Я пытаюсь уйти, но мне преграждают путь. Без агрессии и физического воздействия, просто дают понять, чтобы не рыпалась.

– Ой, только не реви, – злобно усмехается Влад, – а то начнешь: «Пожалуйста, Егор, не бросай!»

– Не было такого! – Не могу сдержаться, хватаю ртом воздух и жмурюсь сильнее. Голос звучит слишком нервно, а в горле стоит ком. Это плохо, очень-очень плохо.

Они хохочут, передразнивая меня.

– Не было такого! Посмотри-ка, не было такого! Аха-хах, аха-хах, не было такого!

Они смеются, как стая гиен. По ушам мерзко бьет. В груди начинает сильнее колотиться сердце. Виски сдавило от подскочившего давления.

– Егор, мы просто переписывались, ничего не было!

– Егор, он просто мой капитан... То есть я хотела сказать, капитан моей команды, Егор.

«Курочки» стоят в сторонке и не участвуют в вакханалии в отличие от их парней, что скачут с остальными, производя все больше шума. На нас оборачиваются. Полный игнор, который я получала все это время, вдруг резко превращается в повышенное внимание, и это, как контрастный душ, заставляет раскрыться сразу все мелкие сосуды, усиливая кровоток. Меня бросает в жар, щеки пылают, уверена, что шея идет пятнами.

Такого не было. Такого не было! Я не лгу! Я ни разу не просила!

Задыхаюсь.

– Такого не было, – зачем-то выдавливаю, чувствуя нехватку кислорода, а сама думаю, как сбежать.

Насколько позорно будет, если я побегу, а они бросятся следом? Или они такого себе не позволят? А если меня просто стошнит прямо им под ноги? Это будет очень пугающе? Меня оставят в покое?

– Так, получается, я вру? – практически шепчет Олег, делая ко мне шаг, и больше не смеется. Теперь он смотрит мне в глаза, а радужка словно покрылась ледяной коркой.

Мои ладони тотчас потеют, по спине прокатывается холодная волна, а все тело покрывается липким потом.

– Или нет... Выходит, врет наш добрый честный друг Егор? – смеется мне в лицо Олег. – Ты знаешь... Ты его обидела, а мы своих не бросаем, да, ребята?

– Что тебе надо? – шепчу я, едва не плача.

– Да знаешь, просто...

– Ася, – очень вежливо прерывают монолог Олега.

Я с облегчением касаюсь щек. По ним бегут слезы, и, кажется, давно. Но мы все дружно делаем вид, что это не так. На эти мокрые дорожки никто не смотрит, они сейчас не важны.

Костров стоит прямо между парнями, те расступаются в стороны, будто побаиваются его. Мой «фиктивный друг» выглядит спокойным, чуть шурится. Он выше Олега и, кажется, даже шире. Его русые волосы ловят блики солнца, создавая вокруг головы ореол. Он невозмутимо наблюдает за развернувшейся картиной.

– Я освободился. Идем? – говорит он и протягивает мне руку.

Я хватаю ртом воздух и улыбаюсь. Слезы начинают бежать еще сильнее.

– Конечно! – Это самое фальшивое «конечно» в мире.

Костров сжимает мои мокрые от слез пальцы и дергает на себя. Его рукопожатие не очень крепкое, но уверенное. Он не здоровается с Олегом, не кивает ему, даже не смотрит уничижительным взглядом. Тимур просто спокойно уводит меня от лавочки. Как только мы оказываемся на тротуаре, ловит под мышки, и у меня начинается истерика, я уже не держусь на ногах.

Три самых адских дня в моей жизни. Кажется, это предел.

Глава 7

Мы с Костровым молчим всю дорогу. Я ожидала вопросов, но нет – он даже не интересуется, что это было. Не успокаивает меня, не вытирает слезы, а просто делает вид, что так и надо, но по какой-то причине не отпускает мою руку. Теплая кожа прикасается к моей – это успокаивает не хуже валерьянки. За руку Кострова вполне можно держаться, если нужен кто-то для равновесия.

Я никогда не любила этих соплей, и при других обстоятельствах моя истерика была бы неуместной. Но сейчас мы просто идем, переплетая пальцы, молча переходим через дорогу на перекрестке прямо перед спортклубом, заходим в «Шестерочку». Костров покупает там бутылку воды, открывает и протягивает мне.

У CotteSafe сталкиваемся с моими «курочками». Пока мы покупали воду, они успели до него дойти. Практически со слезами на глазах мои бывшие подруги стоят втроем, вцепившись в ручки сумочек, но при виде Кострова отступают и недоуменно переглядываются.

– Мы не знали, что...

– Брось, Оль. – Хоть со мной пытается заговорить Маша, я отвечаю новой королеве улья, которая тут же опускает голову. – Ты же могла меня предупредить?

Киваю ей на прощание – слушать ничего не хочу. Думаю, несмотря ни на что, Егор будет зол, когда обо всем узнает: иначе наша любовь гроша ломаного не стоила. Не так. Я *хочу*, чтобы узнал, и, едва подумав об этом, торможу.

– Оль! – Разворачиваюсь к ней, кричу, чтобы она услышала с расстояния десяти шагов: – Ты же ему все доложишь так же, как делала раньше?

Она молча облизывает губы и слегка улыбается.

– Я предупреждала, – хрипит она в ответ. – Лучше тебе извиниться и вернуться.

Даже комментировать это не хочу. Костров тоже молчит и почему-то продолжает держать меня за руку. Даже чуть дергает за собой, чтобы шла и ничего не отвечала. Мы не тормозим даже на светофоре, где нам нужно перейти через дорогу. Тимур не останавливается, увидев красный, а идет дальше, до следующего. Кажется, ничто не может сбить его с пути, и это восхищает.

Тимур провожает до подъезда, смотрит, как я открываю дверь, потом закатывает глаза – хмурится, будто делает то, чего совсем не хочет, и заходит со мной. В лифте мы тоже молчим: Костров рассматривает объявление стоматологии под стеклом, я – выжженные кнопки.

Когда открываю дверь в квартиру и собираюсь пригласить «друга» на чай, он уже разворачивается и идет к лифту.

– Завтра в половине восьмого, – сообщает он, когда створки лифта открываются.

Я киваю в ответ и хочу сказать спасибо, но не успеваю – слышу, как робот сообщает, что двери закрываются.

Какой же все-таки этот Костров странный! Очень странный! Но Егор замолчал, когда Тимур попросил, Компашка перед ним расступилась, а еще он живой и постоянный. Вечером он поужинает у окна, потом погуляет с Вячеславом, потом сядет за работу. Утром проснется, сделает зарядку, съест салат, выйдет из дома. Для меня этот повторяющийся цикл – как возможность самой остановиться и просто прикоснуться к чему-то уравновешенному, гармоничному.

Выдохнув, смотрю по сторонам и пытаюсь досчитать до десяти, чтобы успокоиться. Бреду на кухню, ставлю чайник и торможу у окна. Смотрю, как Костров пересекает наш заросший двор, нагибаясь, проходит через дыру в покосившемся старом заборе и легкой походкой спускается с насыпи для погребов на парковку своего дома. С ним здороваются чисто одетый дворник в форменном комбезе какой-то клининговой фирмы. Кивают в знак приветствия немного-

численные соседи, чинно вышагивающие по двору с собаками на поводках. Даже псы во дворе Кострова не такие, как в нашем: все порядочные и воспитанные, с лоснящейся шерстью. Но мне, конечно же, так только кажется.

Когда в окне шестого этажа наконец загорается свет, я улыбаюсь. Костров потягивается, разминает шею, прислоняется к стеклу и изучает двор. Мне даже кажется, что смотрит на мой дом, но я явно додумываю лишнее. Он, конечно, при желании мог бы увидеть меня – я как раз напротив, тоже шестой этаж, но это вряд ли.

– Да? – Сначала отвечаю на звонок, а потом понимаю, с кем говорю.

– Ась, поговорим?

– Егор...

– Ась, прости. Парням объяснил, что это... Ну, что это все хрень полная. Это они не серьезно, ты же понимаешь?

Он говорит так искренно, что хочется сказать «ничего страшного». Наверное, так бы оно и было, но я до сих пор чувствую, как охватывает паника, и это однозначно неприятно: осознавать себя такой жалкой и загнанной.

– Мама на чай звала. – Ложь. – А Сонька по магазинам. – Двойная ложь. – У Жеки тусовка на хате, тебя девчонки ждут. – А вот это, скорее всего, правда, но тошнотворная. Им нужны сплетни и тот, кто честно скажет все, что о них думает. Иначе они чахнут, как залюбленные фикусы.

Даже отвечать не хочу. Ставлю громкую связь и кладу телефон на микроволновку. Теперь голос Егора звучит сверху и возникает ощущение, что он рядом. Непорядок. Перекладываю на столешницу – так-то лучше.

– Я серьезно, – повторяет он уже набившие оскомину слова.

Колчин какое-то время молчит, а я наблюдаю за чайными листьями, разбухающими в кипятке. Конечно, он позвонил не ради того, чтобы попросить прощения.

– Что у тебя с этим додиком?

– Каким?

– Костровым. Оля сказала, он тебя... увел. На черта ты ему сдалась?

– Я интересный человек, ты не знал?

– Да уж, очень интересный. Все знают, что мы вместе, и...

– Мы уже не вместе. Привыкай к этой мысли.

Скинув вызов, я бегу в ванную, чтобы умыться. Смотрю на мутное отражение в старом треснувшем зеркале, трогаю худые, впалые щеки и острые скулы. Длинные светлые волосы мешают и висят небрежным хвостом, мне лень, как раньше, делать укладки и портить их утюгами и плойками. Хочу отрезать, как когда-то на первом курсе. Эта мысль почему-то привлекает больше, чем только что состоявшийся разговор. Я спокойно иду обратно на кухню, прикидывая, как выкроить денег на стрижку и, быть может, на пигмент, чтобы заодно покраситься.

Когда вновь беру призывно мигающий телефон, то хмуро читаю сообщение Егора: «Он долго не протянет, ты же знаешь. Я подожду. Кроме меня, ты никому не нужна».

Глава 8

Не спится. На часах пять утра, а я до сих пор не сомкнула глаз и, когда сопротивление уже бесполезно, все-таки встаю и иду в душ. Всякий раз, когда не могу уснуть, в теле чувствуется обманчивая легкость: к обеду на меня обрушится вся тяжесть недосыпа, но пока я как будто полна сил.

К шести утра уже собираюсь в институт и слоняюсь по дому. Платье поглажено, со свитера срезаны катышки, волосы заплетены в косу вокруг головы, и даже сделан легкий макияж. Выхожу из дома для того, чтобы себя хоть чем-то занять, и решаю, что пора навестить Старушку.

Гаражный кооператив у меня как раз за домом, и там, в боксе номер двадцать шесть, настоящая сокровищница. Дед собирал там всякий хлам, бабушка хранила в погребе соленья. Уверена, при желании там можно найти и диван, и шкаф, без которых неудобно жить.

С момента переезда я ни разу не зашла туда. Почему-то открыть двери гаража было страшно. И встретиться со Старушкой тоже – год назад мы попали в аварию. После ремонта я попросила Егора загнать ее на зиму не в его гараж, а в мой. Может, не хотела беречь раны? Может, чувствовала, что больше за руль не сяду, так зачем зря занимать место?

Почему-то сейчас, сидя на лавочке перед закрытыми дверями, чувствую, что собралась себе в душу заглянуть. Будто она такая же пыльная, металлическая, скрипучая и такой же хилой дверью закрыта. При желании кто угодно мог хорошенько пнуть по воротам и угнать Старушку. Достаю ключи, встаю с лавочки и тут же останавливаюсь. Мимо проходит дядя Вова, сосед. Кивает, улыбается, идет дальше – успел сбить с мысли. Черт! Еще пара минут на лавочке, и в бой.

В итоге к половине седьмого я все-таки вставляю ключ в замочную скважину и толкаю дверь.

– Привет, Старушка. Ты как тут?

Моя красная «хонда» девяносто пятого года кажется заросшей пылью, усталой и удрученной. Стоит в луче света посреди заваленного вещами гаража. Ей тут тесно в окружении хлама, кажется, что я держу прекрасного зверя в клетке.

– Я это... не заходила давно. Сама понимаешь, мы с тобой друг друга маленько подвели. Вернее, я тебя подвела. В общем, мне было стыдно. Я сейчас вот что подумала... – Сажусь перед Старушкой на нечто вроде огромной банки с краской. Смотрю на потускневшие фары, словно в глаза живого существа. – Ты тут застоялась. Я не обещаю, что мы покатаемся. Но... Может, я что-то для тебя придумаю? Давай для начала снимем аккумулятор, а там посмотрим, лады?

Пока молчу, придумываю, что бы она мне ответила, если бы могла. Старушка – мой первый и, возможно, последний мотоцикл. Когда-то дед продал свою старенькую машину, решив, что больше водить не станет. Эти деньги положил на мой счет, чтобы лежали до восемнадцати лет. Родители были против, но это единственное, в чем он их убедил. В день восемнадцатилетия, когда деда уже два года как не было в живых, я сняла со счета двести пятьдесят семь тысяч и купила себе Старушку. В прошлом году мы слетели в кювет, и до этого дня я ее больше не видела.

– Ну как? Прокатить тебя по гаражу? – шепчу ей.

Снимаю с подножки и толкаю Старушку вперед. Она вообще-то старше меня, и я первый год была с ней на «вы». Сейчас чувствую под руками ее тяжесть и мощь, опять хочу вернуться к старому – испытываю уважение пополам с бесконечным ужасом. От воспоминаний о том, как может реветь подо мной мотоцикл, как он оживает, становясь зверем, слезы на глазах. И страх. Я же однажды должна буду снова этого хотеть? В какой момент я смогу победить этого монстра? Что-то у меня их слишком много завелось.

Мы делаем круг почета, объезжая хлам в гараже. Я вглядываюсь и понимаю, что тут все завалено краской, валиками, рулонами линолеума и обоев.

– Да ладно, ба, ты шутишь?

Теперь мой собеседник – невидимая бабушка. Я, черт возьми, Моана. Притормаживаю на пару секунд, перевожу дух и продолжаю толкать мотоцикл по гаражу, чтобы что-то внутри почувствовать. Быть может, откликнется желание опять выехать на дорогу?

Колеса с мягким шуршанием катятся по земляному полу, и этот звук мне кажется слишком уж тоскливым. Когда-то мы гнали сто сорок по трассе, а сейчас просто перемещаемся из угла в угол в крошечном помещении.

– На первый раз хватит. – Мне не по себе. Ставлю мотоцикл на подножку и утыкаюсь лбом в сидушку. – Как думаешь, я решусь сесть на тебя или лучше тебя продать какому-нибудь хорошему человеку?

Старушка не отвечает, но я ее как будто слышу, выдумывая ответы сама. Этого достаточно. Ставлю Старушку обратно, снимаю аккумулятор, чтобы зарядить, а потом иду разглядывать сокровища. Бабушка, видимо, перед смертью собиралась делать ремонт в своей двушке – чего тут только нет. С таким набором я всю квартиру переделаю.

– Бабуль, спасибо, это то, что нужно, – обращаюсь к невидимой бабушке, пока перебираю пакет с новенькими кисточками. Чувствую дрожь в пальцах от желания начать красить стены.

Пока есть лишние полчаса, сгребаю в отдельную кучу то, что теоретически может подойти. Обсуждаю находки со Старушкой, хвастаюсь успехами.

– Костров – нечто, тебе бы он понравился. Если бы я его на тебе прокатила, думаю, он бы потом дал развернутый отзыв на мой стиль вождения и поставил оценку. Зануда, но это так смешно, словно он герой ситкома. Я правда отвлекаюсь с ним от лишних мыслей. О, Аня. Помнишь Аню? Она много вечеров провела с нами. Я почти решилась к ней подойти. Она поймет, что мы обе виноваты, как думаешь? Иногда мне кажется, что, если люди так долго в ссоре, им уже не суждено больше дружить. А потом я думаю: а кто-то всерьез пытался? Ну разве дружба не стоит того, чтобы немного постараться?

Заканчиваю разбирать кисти минут за десять до назначенной встречи с Костровым. Свитер пыльный, и его неплохо бы сменить, да и платье испачкала. Выбегаю из гаража в надежде, что найду что-то поглаженное.

Когда выхожу из дома, уже на пять минут опаздываю, но Костров ждет меня у подъезда на лавочке и, как всегда, что-то строчит в телефоне. Стоит приблизиться, как он тут же встает, зачесывает назад волосы, которые все равно торчат, и кивает мне. Вообще он вполне себе ничего, даже странно, что я раньше этого не замечала. У него правильные черты лица, как у Капитана Америки, очень пронзительный, внимательный взгляд и интригующая молчаливость. Только душный он, но это мелочи.

Я вспоминаю его, каким встретила впервые на английском. Хорошенький парень, но почему-то девчонки о нем говорить не стали. Все трещали про Колчина и парочку его более-менее симпатичных друзей. Так выделилось из группы первое подобие Компашки Егора. По признаку «привлекательность». Потом туда прицепилась пара ребят по признаку «есть машина». Потом – те, кого выбрал сам Егор по каким-то личным причинам.

Но все они не ходили на углубленный английский. Быть может, поэтому я помню Кострова только на тех парах? Костров – прилично одетый, с ноутбуком и фитнес-браслетом. Это сразу сделало его недосыгаемо серьезным. У него был чистый английский, и, когда всех попросили рассказать о себе, его речь была примерно такой: «Я очень скучный и скучно живу. Я программист, мне нужен английский, чтобы жить еще скучнее. У меня нет и никогда не будет девушки, потому что я очень требовательный и скучный, я скучный, скучный, скучный!» Именно это услышала каждая из нас.

Его английский даже для нас оказался слишком «углубленным» – мы просто его не поняли. Куча подробностей, сложные предложения, странные слова, произношение как у английского лорда и речь на десять минут. Преподаватель вежливо улыбался и медленно кивал – кажется, тоже ни черта не понимал. Вроде как Костров пришел в иностранку, чтобы повысить уровень языка, получить какие-то корочки и уважить отца – доктора наук. Но нам казалось, что его цель – стать властелином мира. Лично я до сих пор считаю, что скоро он всех нас поработит.

Он частенько пялился на меня, и, скорее всего, с презрением за странный видок. Я тогда решила, что он высокомерный, смотрит на меня с осуждением и потому не стоит даже внимания.

– Ты всегда такой неразговорчивый? – возмущаюсь я. Мне очень хочется живого общения, прямо катастрофически. Хотя бы с занудой-ботаником.

– Мы договорились не болтать по дороге. Ты обещала носить наушники.

– Дома забыла.

– Свои не дам, – произносит он без эмоций и замолкает.

Я не люблю навязанных диалогов, поэтому соглашаюсь молчать.

Костров не берет мою сумку с ноутбуком, не предлагает помочь, не спрашивает о самочувствии. А еще он не поддается всеобщей истерии, стремясь смешать меня с грязью. «Дружить» с Тимуром приятно. Когда я вижу у ворот Компашку Колчина, невольно сжимаюсь, а мой «друг» даже не сбавляет шаг – мы просто проходим мимо. Парни присвистывают, кричат какую-то ерунду в спину, но не приближаются. Трусые. Костров – мой «патронус».

– Спасибо. Обалдеть! Они даже не подошли!

– Я думал, ты сама сильная и независимая, – отвечает Костров. – Тебе и правда нужен защитник?

– Я... я сама не понимаю, что мне нужно. Но я не хочу ходить этой дорогой одна, вот и все.

– Плохие ассоциации?

Еще какие.

– Предупреди, если есть вероятность, что твой Колчин будет поджидать меня в темном углу.

– Он не... – Сама сомневаюсь в словах. – Я не думаю, что он будет.

– Тогда в чем дело? Боишься, что, если Колчин с тобой заговорит, ты сдашься и вы снова сойдетесь?

Я удивляюсь, как много слов слышу от молчаливого мальчика. Мы останавливаемся на светофоре, он на меня смотрит, а я тут же теряюсь. Нет, меня не завораживают эти волшебные глаза и восхитительно закрученные ресницы, просто я вдруг ощущаю, насколько Костров «большой человек», а потом начинаю мысленно рассуждать, что же это значит.

– Ясно. – Он холодно усмехается, и только в эту секунду я понимаю, что вообще-то мне был задан вопрос, а молчание – знак согласия.

А какой был вопрос? Боюсь ли я сдать и вернуться к Егору? Ну разумеется, полагаю, это всем кажется очевидным. Клеймо «девушки Колчина» – это навсегда, как лилия на плече графини де Ла Фер.

Тимур придерживает дверь, как приличный мальчик, и даже слегка улыбается, хотя, может, мне это только кажется.

– Я тут задержусь, ты иди, – шепчу, глядя на «А я говорила», хохочущих над чем-то у стенда с героями нашего универа. Все мое внимание теперь направлено туда, и я почти полна храбрости подойти-таки к бывшим друзьям. Сегодня слишком хорошее утро, мне не может не повезти.

– До вечера. – Он кивает.

– Разве у нас не четыре пары?

– У меня консультация по диплому, так что я смогу только в районе шести, – спокойно отвечает он, смотрит куда-то над моей головой, а потом все-таки опускает глаза и ловит мой взгляд. – Можешь подождать в кафетерии и позаниматься.

– Хорошо, я... придумаю что-нибудь. Если решу вернуться домой, дам знать. – Вообще никакого желания тащиться одной. Уж лучше и правда подожду в кафетерии.

Костров кивает в ответ и уходит. Мы не обменялись номерами, но точно встретимся на парах и, скорее всего, даже будем сидеть вместе.

Делаю два шага. Меня замечает Женька и приветливо улыбается.

– И все-таки что у тебя с ним? – Ледяной голос Егора не сулит ничего хорошего.

Он стоит за моей спиной: я чувствую это буквально кожей. Его запах и тепло хорошо мне знакомы, и я представляю, что могла почувствовать, если бы он сейчас привычно обхватил плечи и прижал к груди. У него крепкие руки. Сильные пальцы и требовательные губы. Я могу предугадать любое его действие, и меня пугает, насколько хорошо я его изучила. Расставание кажется чем-то неестественным, будто я бросаю в мусор работу, над которой трудилась долго, не жалея сил.

– Ася, ты не боишься, что от твоего «друга» мокрого места не останется? – Он про Женьку или про Кострова? – Может, хватит играть чувствами бедного додика? Кончай уже. – Он улыбается очень довольным. – Кончай. – А это шепчет прямо на ухо, и я вспыхиваю против воли: хмурюсь, почувствовав себя раздетой и обманутой.

Колчин уверенно манипулирует мной, как всегда. Я хотела быть сильной и классной, а с ним всегда оставалась лишь маленькой и ведомой.

– Иди к черту, Колчин. Пожалуйста.

И откуда столько смелости? Я улыбаюсь сама себе, разворачиваюсь на каблуках и уверенно иду к лестнице. Не успеваю пройти и пары метров, как ловлю на себе взгляд Кострова. Тот все это время был рядом и наблюдал. Вот источник моей смелости. Вот бы можно было его уменьшить и положить в карман, чтобы всегда таскать с собой!

* * *

Костров сам садится рядом на четвертой паре. Раскладывает вещи, достает ноутбук и разворачивает так, что я могу видеть монитор. Он единственный, кому можно печатать: преподаватель излишне категоричен в вопросе традиций. Только Тимур Валентинович – избранный, мы даже вопросов не задаем. Чтобы мы усвоили информацию, она должна быть вписана в голову скрипом шариковой ручки в тетради. Костров же все ловит на лету.

– Спасибо, – шепчу ему.

Преподаватель начинает нудную лекцию, я тут же принимаюсь списывать у Кострова и очень быстро теряюсь в словах. Можно не думать, когда просто копируешь чужие буквы, – я повторяю сокращения, запятые, точки, даже опечатки в словах не замечаю.

«...литературного перев... Он тебе угрожал?... следование...»

Я застываю и смотрю на строчку в тетради. Сердце начинает слишком тяжело колотиться, еле качает кровь по венам.

– Не отвлекайся, – велит Костров.

Я только машинально киваю. «Не знаю», – пишу в своей тетради и вижу, как взгляд Кострова быстро пробегает по буквам.

Самое честное, что я могу ответить, – «не знаю». Возможно. Иногда мне так кажется. Я не помню, чтобы Колчин на самом деле делал кому-то больно, но до конца в этом не уверена. Иногда во время разговоров парни так многозначительно замолкали, а девчонки начинали хихикать, – теперь это кажется странным.

Я продолжаю переписывать лекцию, когда снова спотыкаюсь.

«Встретимся в четыре в кафе».

«Так рано?» – Я хмурюсь, а затем улыбаюсь против воли. Костров кажется милым, и это какой-то разрыв шаблона. Он ведь должен быть занудой с большой буквы.

Больше мы не разговариваем, остаток пары посвящен практике. Я сдаю абсолютно нулевую работу, потому что последний семестр, кажется, витала в облаках. Нужно срочно нагонять, иначе это ничем хорошим не кончится. Когда-то я была одной из лучших студенток, теперь все вокруг говорят на другом языке. Такого английского я точно не знаю.

Пары заканчиваются в три пятнадцать, и я вместе с толпой иду в сторону выхода, потом сворачиваю к кафешке. Там немногочисленно, в такой час приходят только любители внеклассных занятий вроде студенческого совета, самодеятельности или профсоюза. Сев за тот самый столик Кострова, я прячусь в нише – зарываюсь в декоративные подушки так, чтобы скрыть колени, а потом закрываю глаза.

Я боюсь встретиться с Егором и, кажется, еще больше боюсь его неадекватных друзей, но самое мерзкое, что меня это искренне расстраивает. Мне не хочется так сильно разочаровываться во всем прекрасном, что было в жизни. Олег, испугавший меня вчера, когда-то под хмурый взгляд Егора катал на своем новеньком мотоцикле. Влад смешил – до икоты, а Ромка хвастался, что умеет играть на фортепиано, когда мы проводили летние вечера на даче Колчиных, где стоял старинный инструмент. Все эти парни были для меня в разной степени друзьями. Кто-то ближе, кто-то дальше. И вот я их боюсь.

Достав ноутбук, открываю заданную на дом работу. Сдавать уже через неделю, а я еще ничего толком не сделала. Вот и повод. Если ждать Кострова каждый день, можно и учебу подтянуть. Усмехнувшись, я подключаюсь к местному тормознутому вайфаю и скачиваю таблицы, которые нужно заполнить.

Плюс работы в кафе со слабым интернетом – минимум отвлекающих факторов. Почему я раньше этого не делала? Неспешно, но при этом не отвлекаясь, за сорок минут я умудряюсь сделать почти треть задания. С довольным видом смотрю на проделанную работу. Оглядываюсь по сторонам – в кафе совсем пусто. Все разбрелись по своим делам, даже кассир куда-то ушел. Мне становится не по себе, хотя за окном еще совсем светло и улица оживленная.

Остановись. Прекрати. Ты все сделала правильно, ему хватит еще пары месяцев, чтобы тебя забыть.

Только он, увы, так и не понял, почему я ушла, хоть озвучено все было предельно ясно. Я поняла, что становлюсь его отражением, которое обожает всплески ярости и выбросы адреналина – превращается в неадекватную версию себя, падкую на скандалы и примирения. Когда Егор в порыве ревности разбил мой телефон, а я поняла, что уже предвкушаю бурное примирение, вместо того чтобы злиться, – в этот момент впервые пришлось отрезвление. Я больна, и лечится эта болезнь только полной изоляцией от источника заражения.

Дверь в кафе открывается, и мое сердце замирает, но тут же с облегчением срывается на бег. Костров. Это всего лишь Тимур. Он заходит чуть сгорбившись, разминает на ходу шею. Выглядит загруженным и уставшим. Кивнув мне, садится на стул, ждет пару секунд, будто отдыхает, а потом достает ноутбук.

– Я быстро, – говорит он и начинает что-то печатать.

Я наблюдаю какое-то время за его напряженно сдвинутыми бровями. Это так же увлекательно, как следить за его пальцами, скользящими по клавиатуре. Потом я ловлю себя на мысли, что, скорее всего, это невежливо, и отворачиваюсь. Возвращаюсь к таблице, которая уже осточертела, но терплю, потому что залипать в телефон рядом с Тимуром было бы, наверное, глупо.

Костров все стучит и стучит по клавиатуре, и я слышу, что у него в животе урчит от голода. Я вообще-то тоже ничего с утра не ела. Встаю – он даже не замечает – и иду к стойке,

чтобы взять апельсиновый сок, кофе и два сэндвича с курицей. Прикидываю, что курицу любят все, но на всякий случай прошу злаковый батончик вроде тех, что видела на подносе Кострова вчера. Забрав заказ, возвращаюсь к столику.

Тимур смотрит на сэндвич с тем же выражением, с каким пялился на экран, а потом кивает:

– Благодарю. – Он задерживает взгляд на моем лице, и я снова вижу ту сосредоточенность. Брови сдвинуты, в глазах интерес.

Какой же он странный, божечки, это нечто! Я словно сижу рядом с супергероем, лишенным человеческих радостей жизни. Он все-таки берет сэндвич и сок и слишком аккуратно ест, я даже смеюсь. Таблица больше не заполняется, ноутбук сообщает, что скоро сядет, и я с облегчением закрываю крышку. Изучаю книжные полки, которые украшают стены кафе. Обычно на них сваливают старый библиотечный хлам или что-то из ассортимента букинистических магазинов.

Подцепив ближайшую книгу пальцами, протираю обложку от пыли, но тиснение давно облупилось – название не разобрать. На форзаце изображены море и кораблик. Женщина держит за руку девочку и машет ему рукой. На титуле читаю: «В. Каверин. Два капитана».

Костров доедает сэндвич, батончик, допивает сок и все это время продолжает одной рукой стучать по клавишам, а я сама не замечаю, как зачитываюсь книгой. Я никогда не была читающей девочкой. Ну, вернее, поглощала я всякую ерунду вроде «Тани Гроттер», «Мефодия Буслаева», «Сумерек» и прочих великих многотомников, подражая Ане. Меня это относительно затягивало, но все-таки кино я любила намного больше. Школьная литература и все, что недалеко от нее ушло, – это точно не мое. Став постарше, читала романы, определившись, что главное – это любовная линия. Я решила: пусть умные люди читают серьезные книги. Сколько мне ни втолковывала Аня, что «Анна Каренина» лучше всяких любовных романов, я ей не верила.

В отношениях с Егором я вообще ничего не успевала и еле находила время на учебу. И вот – я и книжка, где рассказывается история, кажется, про немого мелкого пацана.

Я не замечаю, как проглатываю первые пять глав, дохожу до смерти отца Сани Григорьева и решаю взять новую чашку кофе, но цепляюсь за внимательный взгляд Кострова. У него светло-голубые глаза, мама такие всегда в шутку звала «цыганскими».

– Идем. – Он закрывает ноутбук и убирает его в сумку.

– Уже закончил? – Я зеваю и откладываю книгу на полку.

– Нет, просто шесть часов. Нам пора, как я и обещал.

Я смотрю на наручные часы и хмуро перевожу взгляд на него.

– Погоди, так ты мог уйти в любой момент?

– Наоборот. Я должен был все это делать в аудитории Тихонова, он до шести принимает желающих заниматься. Но я договорился, что останусь в здании и, если будут вопросы, подойду. – Это звучит немного сердито.

Ловлю себя на мысли, что всякий раз, как Костров непрерывно говорит больше пяти слов, я перестаю связно мыслить и просто поражаюсь его способности толкать длинные речи.

– Почему не остался там? Я бы подождала, – говорю негромко, потому что мне неловко.

– Не задавай вопросы, ответы на которые знаешь сама. Иначе я решу, что ты флиртуешь.

От этих слов я хочу и разозлиться, и рассмеяться одновременно – так необычно слышать нечто подобное от Кострова. Он и слово «флирт» – это что-то из параллельных миров. Он пришел, потому что решил, что мне угрожают? Шок!

Костров встает и ждет, пока я соберусь. Спокойно берет брошенный на столе чек, сминает и прячет в карман.

– Это за помощь, – быстро поясняю я, а он пожимает плечами.

Не предлагает разделить, не скидывает деньги, не делает широких жестов. Становится легче дышать, я словно расплатилась за оказанную услугу, и вот это уже нормальные товарно-денежные отношения. Никто никому ничего не должен.

Мы выходим на улицу, вдыхаем пыльный воздух и оба морщимся от удушающей жары.

– Двадцать пять минут пешком или три остановки на трамвае? – спрашиваю я Кострова, который идет, глядя прямо перед собой.

Он как неприступная крепость, в которую мне не попасть. Мне кажется, если бы он заговорил со мной о чем-то личном, я от шока свалилась бы с инфарктом.

– Пешком, – произносит он, и мы снова всю дорогу молчим.

Все по старой схеме: подъезд, лифт, он смотрит, как я открываю дверь, потом уходит. Идет через газон, двор, кивает охраннику и двум мамочкам, гуляющим с колясками. Одной из них даже помогает починить колесо, а затем исчезает в подъезде.

На улице практически темно, и я отчетливо вижу, как Костров ходит мимо панорамного окна: сначала отдалека, потом возвращается уже без футболки. Он идет на кухню, и я вижу его сгорбленную спину – сидит на подоконнике. Спина подрагивает. Он смеется? Интересно на это посмотреть. Тогда Костров, будто слышит мои мысли, спрыгивает с подоконника, разворачивается. Я смотрю прямо на него, а он – в телефон и да, кажется, и правда смеется.

Возможно, у него есть девушка? Или лучший друг, с которым можно пошутить? А может, он просто читает приколы из какого-то паблика?

Я иду на кухню и решаю, что пора ужинать, иначе так можно и испариться. Хмуро изучаю облупившуюся столешницу, покрытую лаком еще в советские времена, покосившиеся дверки шкафов – одна даже оторвана – и впадаю в тоску.

Невыносимо! Я зачехну в этой обстановке. Мне срочно нужен ремонт за три копейки. И от мысли, что могла бы все тут разгромить и переделать, мне наконец становится весело. Может, однажды ко мне в гости придет моя команда. Или я осмелюсь и позову на чай Кострова, чтобы он сказал, что не пьет чай. Только воду с лимоном.

Глава 9

Мы ходим вместе восемь дней за вычетом выходных. Я успеваю прочитать уже пять частей «Двух капитанов». За это время отчаянно влюбляюсь в Саню Григорьева, начинаю питать искреннюю неприязнь к Ромашову и кайфую от Ивана Павловича. Книжки – это неплохо.

Хочется рассказать об этом Ане, чтобы она мной гордилась! Все, что я хочу рассказать Ане, пишу себе в пустой чат. За полтора года я успела написать туда целый многотомник, соревнующийся по размерам с «Войной и миром». Там все восемь дней я также веду читательский дневник, и это здорово. Мечтала, что однажды дам Ане все это почитать, но со временем поняла – это лишь давление на жалость. Привычка осталась. Я как Елена Гилберт⁴, что пишет заметки в дневнике.

«Дорогой дневник, Егор не появляется в институте, и мне почти стыдно, что я без дела напрягаю Кострова своим обществом».

Правда, он не подает виду, что что-то не так. Я как будто стала его научным проектом – со мной он вежлив, но почти холоден, сосредоточен, все делает безукоризненно и не дает понять, что я его уже достала.

– Слушай! – заявляю я, отвлекая Кострова от дел. – Цитата: «Он взмахнул фуражкой, когда тронулся поезд, и я шла рядом с вагоном и все говорила: "Да, да". "Будешь писать?" – "Да, да!" – "Каждый день?" – "Да!" – "Приедешь?" – "Да, да". – "Ты любишь меня?" Это он спросил шепотом, но я догадалась по движению губ. "Да, да!"» – Я замолкаю и мечтательно улыбаюсь. – Красиво, правда?

Костров же сидит напротив и строчит что-то на своем макбуке. Это уже четвертый раз, когда мы торчим в кафе за одиночным столиком. Он вполне подходит для двоих, и я не стесняясь достаю моего провожатого выдержками из книги. Понятия не имею, нравится ли ему Каверин, но с учетом немногословности Кострова не очень-то и интересуюсь. Я решила, что он Каверина любит – и точка. Вообще мне даже весело выдумывать разные факты о моем «друге» Тимуре.

Например, в один из дней я решаю, что он работает на мафию, в другой – что его дед сицилийский миллиардер, а любимое блюдо и напиток Кострова – паэлья и «Маргарита». Если представить себе что-то такое, то наблюдать за ним становится еще интереснее. Особенно когда я представляю, что Костров увлекается БДСМ, владеет оружейным магазинчиком и на самом деле шпион под прикрытием: в ухе у него секретный наушник, а на моей сумке маячок.

– И что тут высокохудожественного? – Тимур вздыхает, не отрываясь от монитора.

Наблюдение: если он оторвал взгляд, значит, ему интересно. Если вздохнул – готов удостоить вниманием, но в общем-то безразличен. Если молчит – нужно отвалить.

– Это любовь... И это мило!

– Разве эта книга о любви? – Он поднимает на меня глаза.

Мы смотрим друг на друга, и я пытаюсь разгадать, о чем думает он, но натываюсь на сплошной тупик. Или *он* первоклассный окклюмент⁵, или *я* паршивый легилимент⁶. В целом я склоняюсь ко второму варианту – никогда не могла ничего прочитать по глазам и не думаю, что что-то изменилось.

– Вот потому и мило, что тут приключения, страсти всякие и на фоне этого – любовь! Да еще какая!

⁴ Отсылка к мистическому сериалу «Дневники вампира».

⁵ Способность преграждать путь к своему сознанию людям. Термин из мира «Гарри Поттера» Дж. Роулинг.

⁶ Способность мага проникать в сознание другого человека. Термин из мира «Гарри Поттера» Дж. Роулинг.

– Я так понимаю, дойдешь до молитвы Кати, и тебя разорвет на сто маленьких романтических Ась, – бормочет Костров, возвращаясь к компьютеру, и тут же получает книгой по плечу.

– Ты что, читал? Ты читал эту книгу?

– Не понимаю, – ворчит он, закрыв ноутбук.

Наблюдение: если Костров не просто говорит, но еще и закрывает ноутбук, значит, ему о-очень интересно. Я вызываю такую реакцию у него уже во второй раз и теперь самодовольно улыбаюсь.

– Я умею читать по-русски. – Он вскидывает брови. – А эта книга написана русскими буквами. Почему тебя удивляет, что мы с ней сошлись в этом огромном сложном мире? «Два капитана» – это не тайные скрижали, а достаточно известное произведение, которое несколько раз экранизировали.

– Просто удивляет. – Я расплываюсь в еще более широкой улыбке. – Я думала, романы – это не твое.

– А что мое?

Тимур раздражен, и это чистый кайф. Как будто я нашла баг в работе робота и могу собой гордиться. Обычно из Кострова слова не вытянешь, и уж тем более о чем-то отвлеченном вроде книги. Раздражение – это уже прямо-таки эмоция, а разве космические мальчишки способны на человеческие эмоции?

До конца нашего чаепития Тимур больше со мной не говорит и ровно в шесть встает с места.

Расписание у нас очень четкое.

Понедельник – ко второй паре, вечером я жду Кострова с пяти тридцати до шести.

Вторник – к первой паре, и я должна ждать Кострова в кофейне, но всякий раз он приходит ко мне, и мы работаем, сидя за одним столом.

Среда – ко второй паре, и Костров ждет меня, пока не закончатся занятия, – до пяти. Когда это случилось в первый раз, я не поверила своим глазам!

Четверг – к первой, работаем до шести.

Пятница – к первой, Костров ждет меня.

В понедельник и среду утром мы выходим пораньше, чтобы зайти в кофейню по дороге, потому что Костров любит вкусный американо.

Мы по большей части молчим. Это очень приятная тишина и почти дружба. За восемь дней я умудряюсь подтянуть учебу, сдать пару прошлогодних долгов, за которые получала оценки авансом, и перевыполнить план по домашним заданиям. Чтобы перевод, который нужен к четвергу, я сделала еще в понедельник – это нонсенс! Такого себе даже наша староста не позволяла, а она та еще зануда. Оказывается, что, если ничто не отвлекает, история Европы может быть весьма интересной, а в аудировании нет ничего сложного.

Я дошла до диплома такой тупицей, что даже стыдно. Не виню в этом Егора и наши отношения, он просто прижился во мне, как споры кордицепса, и я сама это допустила. Нужно было прекратить все намного раньше, пересилить себя, уловить, в какой момент любовь превратилась в акт саморазрушения. Быть может, моя квартира давно бы обрела жилой вид, а учеба шла в гору. Я бы знала в совершенстве английский, который когда-то был на неплохом уровне, а теперь одноклассники ушли далеко вперед. Я бы как следует занялась испанским, о чем вообще-то всегда мечтала. Я бы вернула дружбу с Аней. Я бы продала мотоцикл, что стоит в гараже и мучает, как призрак прошлой жизни.

Сейчас мне нравится наблюдать за тем, как Костров сидит и работает. Кстати, я не уверена, что это всегда по учебе. Я негласно приняла тот факт, что чаще всего мы торчим в кафетерии, библиотеке или во дворе до шести, прежде чем идем домой. Кажется, у Тимура Валентиновича по графику в это время заканчивается рабочий день. А еще мне нравится пить кофе из кофейни и тот факт, что его мне покупает Костров.

– Зачем мы выходим так рано? – зевнув, недовольно бормочу я себе под нос однажды утром.

– Сейчас девять тридцать. Это не рано, – отвечает он и делает большой глоток.

У него красивая шея и сильно выпирает кадык, и я слежу за ним во время этих больших глотков, будто могу увидеть что-то новое. Или нарываюсь на ответный взгляд? Это маленькая игра: поймает он меня на подглядывании или нет?

– Но зачем?

– Я привык пить кофе тут, если иду ко второй паре.

– А если к первой?

– То пью кофе дома. Кофейня работает с девяти. – Он закатывает глаза.

Я прикусываю язык. Логично. Так и подмывает сказать, что я все это прекрасно знаю благодаря нерадивому застройщику и столику, стоящему прямо у прозрачного панорамного окна. Это странно – не затемнить стекла, имея привычку сидеть на виду. Но я не задаю лишних вопросов. Даже если это интересно. Так быть не должно – я умею следовать правилам. Мы вообще не дошли до таких откровений, но мне кажется, что все еще впереди. Костров для меня компьютерная игра, где я стремлюсь разблокировать как можно больше «достижений».

– Я думала, ты пьешь воду с лимоном, а не кофе, – не выдерживаю я.

– Так и есть, я просто ввожу тебя в заблуждение.

Это что, шутка? Я ее не поняла, ну и ладно, зато мы похожи на простых друзей, что пьют кофе перед парами. Тимур постоянно посещает какие-то факультативы, встречается с преподавателями, и я всякий раз удивляюсь:

– Где ты все это находишь?

– Не поверишь, но студенты не используют возможности вуза даже на тридцать процентов. Ты знаешь, как много информации в библиотеке?

– Ты что, сидишь в библиотеке? – смеюсь я, и очень зря.

На следующий день я впервые по собственной (почти) воле оказываюсь в библиотеке.

– Итак, Ася, познакомься – это книги! Они совершенно бесплатные, и ты можешь взять с полки любую, – церемонно представляет он.

Я скрещиваю руки на груди и притопываю носком ботинка. Очень смешно.

– Очень интересная система, обрати внимание. Ты берешь книгу тут... – Он вытаскивает из ровного ряда одинаковых корешков томик «Анны Карениной». – Несешь сюда... – Протягивает его библиотекарь, сидящему за деревянной стоечкой. – Ася Лискина.

– Читательский билет оформлен? – улыбается библиотекарь.

Тимур поворачивается ко мне – мол, доставай свой билет.

– Вы шутите? – Я, разумеется, в жизни не была в библиотеке, и билета у меня нет.

– Дай зачетку, – неожиданно требует Костров.

– Нет у меня билета!

– Давай сюда.

Я ищу в сумке зачетку, которая каким-то чудом оказывается с собой, и протягиваю Кострову. Он невозмутимо снимает кожаную обложку, под которой лежит крошечная белая книжечка.

– Что...

– Итак, Ася, знакомься, – терпеливо продолжает он, и на этот раз я даже не против. – Это читательский билет. Его нам выдали на первом курсе в этой самой библиотеке, потому что без него мы не смогли бы брать лекции Суворова. О, ты, кстати, их в библиотеку не сдала.

Я ловлю на себе недовольный взгляд библиотекаря и «Анну Каренину», разумеется, не получаю. Костров смеется надо мной.

– Простите, найду и верну, – бормочу, забирая свой билет.

Ложь, потому что я понятия не имею, куда делись эти чертовы лекции. Суворов – наш историк, напечатал все, что вещал с трибуны, в виде методички и обязал всех взять себе по экземпляру, чем полностью лишил смысла посещать собственные лекции. Зачем писать то, что есть в бумажном виде?

Тимур провожает меня в глубь библиотеки, где я с радостью нахожу в углу за стеллажами очень удобный диван. Там можно развалиться с книжкой, пока Костров занят работой. Самое странное, что я делала в жизни, – это чтение книги в библиотеке. Если бы кто-то изобрел машину времени и отправил сюда Асю-третьекурсницу, она бы решила, что это какая-то постановка.

И сейчас, сидя в кафе, я скучаю по тому дивану: с радостью бы прилегла и поспала часик, пока мой фиктивный друг стучит по клавиатуре. Полночи не спала: не могла встать с кровати, чтобы поесть, а от голода не могла спать. Порочный круг.

– Задержимся на полчаса, – говорит Тимур.

Я откладываю книгу и зеваю.

– Конечно, только можно в библиотеке?

Сегодня пятница, по пятницам Костров ждет меня с пар и успевает так заработать, что в итоге я жду, когда он закончит.

– До библиотеки идти десять минут, за это время мы могли бы добраться до дома, – заявляет он, даже улыбается и издает смешок.

Это почти по-дружески. Подтрунивание. Новая эмоция. Следующий уровень – «разговор дольше пяти минут подряд на отвлеченную тему». Костров смотрит на меня внимательным взглядом, вздыхает и кивает на часы.

– Сегодня они закрываются в семь. Если пойдем туда, то сидим до закрытия, идет? Или домой, но сейчас.

– Библиотека! – Не хочу домой – там тоскливо. – Зачем они так долго работают? Я думала, часов в пять закрываются.

– Сегодня у них проходят платные факультативы.

– Боже мой, тут и такое есть? То есть кто-то добровольно приходит учиться и платит за это?

– Да. Кажется, французская литература.

– Реально?

– Я поражен, насколько ты мало знаешь о жизни собственного вуза, где доучилась до выпуска. Иди уже.

На первом этаже библиотеки и правда идет занятие. Преподаватели и студенты все вместе сидят и внимают хорошенькой рыжеволосой докладчице. На втором – никого, только хмурая техничка, мимо которой мы проходим с каменными лицами.

Диванчик ждет меня, ура! Я падаю на него и утопаю – наполнителя с годами стало явно меньше, и кожзам уже потертый, собирается складками, как шкура бассет-хаунда. Завалившись на спину, я пихаю под голову смятую джинсовку и погружаюсь в книгу.

– Все, не мешай мне! – говорю молчаливому спутнику, а тот смотрит на меня как на дурочку.

В целом без разницы. Все равно он ничего мне не скажет, просто продолжит работать, будто меня и нет. Я же могу болтать что угодно; порой мне кажется, он воспринимает это как фоновый шум. Однажды меня разозлил преподаватель литературного перевода, и я всю дорогу домой перемывала ему кости самыми нелестными выражениями, а Костров и слова не вымолвил. Все равно что с гипсовым Персиком говорила, но на душе полегчало, и ладно. На следующий день спокойно переделала перевод, с каменным лицом сдала и получила заслуженную четверку.

Костров садится за крошечный столик, и уже через минуту я слышу привычный стук по клавиатуре. Он умиротворяет. Я закидываю ноги на спинку дивана, обнаруживаю под ними аккуратно сложенный синтетический плед с ужасным рисунком из тропических листьев и с удовольствием в него кутаюсь – вот это, я понимаю, кайф, в такую библиотеку я готова ходить постоянно вместо кофейни.

Костров косится на меня, и я могу поклясться, что вижу на его губах ухмылку, но он все равно никак не комментирует происходящее. Утыкаюсь в книгу, но строчки плывут. Я правда устала. У меня приступы бессонницы из-за скрипучей кровати и отсутствия сытного ужина, но денег хватает только на крупы, которые я ем уже неделю.

Закрыв книгу, снова смотрю на Тимура, склонившегося над клавиатурой. Он не горбится, не выглядит сутулым доходягой, как типичный ботаник из кино. Мне нравится его манера работы, она успокаивает. И отпугивает нежелательных лиц.

– Колчин тебя не достает? – неожиданно спрашивает Костров, оторвавшись от работы.

Он откидывается на спинку стула и смотрит на меня. Каждый раз в такие секунды я пугаюсь: это так же странно, как если бы Персик вдруг ожил и пришел просить налить ему водички. Я пожимаю плечами, переворачиваюсь на бок и кладу ладони под щеку.

– Тишина вроде бы. Он не ходил на пары неделю, и я заблокировала его в прошлую пятницу. Ты переживаешь, что нужно нянчиться со мной?

– Нет, – просто отвечает Костров и возвращается к работе.

А я больше не расспрашиваю его. Тем вечером я засыпаю на диванчике под стук клавиатуры, и Костров будит меня щелчком по носу ровно в семь.

Глава 10

– Где он? – слышу я высокомерный тон и, обернувшись, с недоумением смотрю на Сою Колчину. Она стоит, задрал нос, и перебирает ухоженными пальчиками длинные черные локоны.

– Кто *он*?

– Не прикидывайся душой! Где Егор?

Почему-то его имя до сих пор вызывает в груди болезненный спазм, и мне становится до слез обидно, что нельзя все в себе перекрыть. Я думала, что за неделю остыла, – увлеклась чтением книги, нашла занятный сериал, под который одинокими вечерами неплохо так отдираются старые пыльные обои, а оказывается, это была лишь передышка. Третий месяц пошел, а я все еще не в себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.